Записки Ивана Матвѣевича Сбитнева.

(Изъ времени учрежденія на Волыни и Подоліи, послѣ возстанія 1831 г., русскихъ школъ, въ замѣнъ польскихъ).

Авторъ предлагаемыхъ записокъ, Иванъ Матвѣевичъ Сбитневъ, родился въ Новгородъ-Сѣверскѣ, воспитывался въ тамошней же гимназіи, изъ которой, по окончаніи полнаго курса, въ 1816 году поступилъ въ харьковскій университетъ по физико-математическому факультету. Окончивъ здѣсь курсъ со степенью кандидата, Сбитневъ былъ назначенъ учителемъ гимназіи въ Екатеринодаръ, а оттуда въ 1820 году переведенъ въ новгородъ-сѣверскую гимназію учителемъ математики. Въ 1832 г. онъ, въ числѣ другихъ учителей, былъ употребленъ учебнымъ начальствомъ для дѣла устройства учебныхъ заведеній въ юго-западномъ краѣ на новыхъ началахъ.

Какъ извѣстно, здѣсь, со времени присоединенія края къ Россіи, царила система польскаго образованія, поддерживаемая всѣми силами польскаго общества и такихъ выдающихся его дѣятелей, какъ Адамъ Чарторыйскій и Ѳаддей Чацкій, и широко сѣяла польскій духъ, симпатіи и традиціи въ средѣ кореннаго русскаго населенія. Съ обнаруженіемъ польскаго возстанія, подготовленнаго главнымъ образомъ путемъ школы, императоръ Николай повелѣлъ закрыть всѣ польскія учебныя заведенія въ цѣломъ краѣ, чтобы образовать въ замѣнъ ихъ русскія. Въ эти новыя заведенія требовались новые дѣятели, которыхъ рѣшили выбрать изъ среды русскихъ учителей; кромѣ того надо было привести въ точную извѣстность средства существованія прежнихъ училищъ, исключительно частныя, т. е. дарственныя записи польскихъ пановъ, такъ называемые фундуши. Для этой то цѣли и былъ избранъ, въ числѣ другихъ, авторъ настоящихъ записокъ, И. М. Сбитневъ,

прежде исполненія сего послѣдняго порученія назначенный инспекторомъ новообразованной русской гимназіи въ г. Каменцѣ-Подольскомъ.

Записки Сбитнева обнимаютъ время 1832—1835 г. и касаются самой темной поры въ мѣстной исторіи народнаго образованія. Этимъ опредѣляется немаловажное историческое ихъ значеніе. Сущность даннаго Сбитневу порученія заключалась въ открытіи школьныхъ фундушей и актуальномъ ихъ установленіи для такъ называемыхъ приходскихъ училищъ въ Подоліи и на Волыни; въ свѣдѣніяхъ объ этомъ и главный интересъ его записокъ. Но этимъ не исчерпывается содержаніе ихъ: авторъ съ большою подробностію говоритъ о выборѣ дѣятелей народнаго образованія для юго-западнаго края и о своемъ переходѣ туда на службу, а при этомъ нерѣдко, хотя мимоходомъ, даетъ весьма интереснын свѣдѣнія, рисующія современное положеніе школьнаго дѣла, его предшествующую судьбу и главныхъ его дѣятелей. Автору не достаетъ широты кругозора; ему неизвѣстны ни правительственные планы во всей ихъ широтѣ, ни ихъ политическая основа, ни частности дѣла, къ которому онъ вмѣстѣ съ другими призывался, онъ смутно представляетъ это дѣло и съ боязнію смотритъ на предстоящую ему службу въ краѣ, который всѣ считали еще польскимъ; но что доступно было его вѣдѣнію и наблюденію, то онъ отмѣчаетъ тщательно и вполнѣ добросовѣстно.

Ведя свои записки въ формѣ путевыхъ замѣтокъ и наблюденій, авторъ разнообразитъ и пополняетъ свой разсказъ описаніемъ, иногда же и краткою исторіею посѣщенныхъ имъ мѣстъ—отъ Новгородъ-Сѣверска до Харькова и отъ Харькова до Каменца-Подольскаго и отдаленныхъ сѣверныхъ пунктовъ Волыни. Это придаетъ запискамъ живость, которую они утратили бы, еслибы представлены были въ формѣ оффиціальнаго отчета.

Помимо историческаго интереса записки Сбитнева не лишены и нѣкоторыхъ литературныхъ достоинствъ; авторъ ихъ въ свое время писывалъ въ столичныхъ журналахъ и въ запискахъ его замѣтно выдѣляются литературные пріемы того времени.

И. М. Сбитневъ былъ вообще образованнымъ и развитымъ человѣкомъ своего времени. Многочисленные ученики его сохранили самую свѣтлую о немъ память за его гуманное съ ними обращеніе; онъ былъ врагъ педантизма того времени, защищалъ своихъ учениковъ въ совѣтѣ гимназіи, старался развить въ нихъ вкусъ къ литературному чтенію и пониманіе высшихъ интересовъ жизни. Прослуживъ болѣе опредѣленнаго срока, онъ вышелъ въ отставку, поселился снова въ Новгородъ-Сѣверскѣ и умеръ здѣсь въ августѣ 1856 года.

Записки начинаются призывомъ ихъ автора въ командировку и оканчиваются съ исполненіемъ даннаго ему порученія.

3-е іюля 1832 года. Новгородъ-Сѣверскъ.

Наконецъ наступило время отдыха, которое введено въ учебныя заведенія министерствомъ народнаго просвѣщенія въ 1803 году. Кто изъ насъ не вспомнитъ о тѣхъ сладкихъ минутахъ, которыя мы имѣли въ юности нашей при наступленіи лѣтняго отдохновенія! Бывало, съ какою быстротою мы собирались въ путь, съ какимъ трепетаніемъ сердца приближались къ нашимъ домамъ, съ какою радостію бросались въ объятія родителей, принимали ласки домочадцевъ!...

Дѣти, послѣ годичной разлуки, вносили въ дома своихъ родителей или отраду, или огорченіе. Праздникъ въ семействѣ, если дитя явилось къ нимъ на вакацію съ похвалою, наградою отъ училищнаго начальства и переводомъ въ высшій классъ; скука, огорченіе родителямъ, если свидѣтельства обнаружатъ шалость, лѣнь и нерадѣніе ихъ дѣтей.

Въ народныхъ училищахъ, основанныхъ еще въ царствованіе Екатерины Великой, до означеннаго выше времени были два экзамена для учениковъ: одинъ предъ праздникомъ Рождества Христова и двѣ недѣли для отдохновенія, а другой, окончательный, въ іюлѣ мѣсяцѣ, и—одна только недѣля для вакаціи. Но въ замѣнъ того было гораздо болѣе праздничныхъ дней въ году, въ которые не было ученія. Число этихъ праздничныхъ дней значительно превышало число дней нынѣшней лѣтней вакаціи.

Введеніе мѣсячной вакаціи въ учебныя заведенія несравненно полезнѣе для учащихся и учащихъ, чѣмъ прежнія, прерывчатыя отдохновенія во время множества церковныхъ праздниковъ. Дѣти, проводя въ кругу своихъ родныхъ самое лучшее время въ году, имѣютъ благодѣтельный случай, при постоянной свободѣ, отдохнуть, укрѣпить свои силы; за то послѣ вакаціи они уже предаются занятіямъ наукою охотнѣе. Но лишь только начнутся перемежки, праздники, святки, дѣти станутъ развлекаться, слабѣть въ трудахъ. Подлинно, каждый изъ преподавателей не могъ не замѣтить, что дѣти, начиная отъ послѣднихъ чиселъ декабря до истеченія святокъ Свѣтлаго праздника,

учатся не такъ ужъ успѣшно, и только приближеніе грознаго годичнаго отчета, рѣшающаго ихъ судьбу, снова пробуждаетъ въ нихъ заснувшее усердіе, рвеніе къ успѣшному прохожденію науки. Тогда въ одинъ день они дѣлаютъ несравненно болѣе успѣховъ, чѣмъ прежде сего въ недѣлю. Но ослабленіе въ трудахъ, въ усердіи къ наукѣ, проявляющееся между воспитанниками, не происходитъ ли также отъ ослабленія въ трудѣ и недостатка въ усердіи самыхъ воспитателей?—Воспитатели обыкновенно любятъ обвинять дѣтей, будучи иногда сами виновны. Рѣдко, очень рѣдко, въ теченіи моей долговременной службы по учебному вѣдомству, случалось мнѣ замѣтить, чтобы дѣти за нашъ теплый трудъ въ преподаваніи науки, за наше къ нимъ усердіе, заплатили намъ лѣностію, нерадѣніемъ и не успѣхами. Итакъ мы, воспитатели, отвѣчаемъ предъ Богомъ, закономъ и родителями за половину юнаго поколѣнія, которое поступило къ намъ или съ малымъ приготовленіемъ въ наукѣ, или со слабыми способностями. Обязанность добросовѣстнаго наставника состоитъ въ занятіяхъ не съ дѣтьми, хорошо приготовленными, одаренными воспріимчивостію, но съ дѣтьми, которыя имѣютъ слабыя способности, наклонны къ разсѣянію, испорчены. За первыми должно только наблюдать, развивать; послѣднихъ нужно руководить, лелѣять, помогать, поощрять и только въ случаѣ нужды карать, до тѣхъ поръ, пока не привьется къ нимъ любовь, теплота къ наукѣ, къ труду, пока не вырвется у нихъ съ корнемъ порча нравовъ, дурныя привычки, пока не разовьются у нихъ умственныя силы. Вотъ гдѣ трудная обязанность наставника, которая недаромъ названа святою! За то какъ сладокъ бываетъ для него лѣтній покой, если онъ, въ продолженіи академическаго года, прошелъ свой предметъ добросовѣстно и успѣшно для большаго числа своихъ воспитанниковъ!

Наставникъ только въ лѣтнія вакаціи можетъ свободно обработать свои лекціи для будущаго академическаго года, на досугѣ устраивать свое благосостояніе, свидѣться съ близкими родными, пріучить себя къ условіямъ, принятымъ въ общежитіи

и отвыкнуть отъ особенныхъ привычекъ, которыя прививаются незамѣтно отъ продолжительнаго обращенія съ дѣтьми и которыя, по забвенію, проявляются иногда тамъ, гдѣ бы этого не слѣдовало. Не правда ли, что долговременное служеніе чиновника по учебному вѣдомству налагаетъ на его личность особенную печать, дѣлаетъ его эксцентрическимъ, не ловкимъ въ пріемахъ, принятыхъ въ свѣтѣ. Но за то бесѣда его будетъ пламенной, восторженной въ обществѣ томъ, гдѣ любятъ поговорить о наукѣ, которою онъ преимущественно занимался!

Сегодня вечеромъ я простился съ моимъ почтеннымъ начальникомъ, директоромъ Н. Ѳ. Тимковскимъ. Вотъ и онъ окончилъ уже свою годичную отчетность и располагаетъ завтра отправиться въ деревню на лѣтній отдыхъ.

Опять повторяю: великое дѣло для чиновника имѣть отдыхъ на цѣлый мѣсяцъ, безъ контроля, безъ подчиненности, быть властителемъ своего времени, своихъ занятій, безъ зова училищнаго колокольчика, отъ котораго бываетъ иногда очень грустно. Мнѣ кажется, ни на кого звукъ его не производитъ такого сильнаго впечатлѣнія, какъ на чиновника учебнаго вѣдомства! Не правда ли, онъ напоминаетъ преподавателю мгновенно, вереницею, всѣ его обязанности въ отношеніи къ начальству, къ учащимся, отвѣтъ предъ Богомъ, государемъ и обществомъ? Особенно онъ невыносимъ при началѣ академическаго года!

Такимъ или подобнымъ размышленіямъ предавался я по окончаніи еще одного года моей службы, намѣреваясь и самъ предаться отдыху, когда 3 іюля 1832 г., въ три часа по полудни, прибѣжавшій ко мнѣ въ покояхъ училищный служитель объявилъ мнѣ, что г. директоръ проситъ меня пожаловать къ нему тотчасъ и что получена какая-то важная бумага съ почты. Я немедленно отправился къ директору, гдѣ уже засталъ двухъ моихъ товарищей: Македонскаго, учителя русской словесности, и Красковскаго, учителя историческихъ наукъ.

— А, и вы здѣсь? обратился я къ нимъ въ смущеніи.—Не знаете ли, для чего насъ позвали? Какая получена бумага?

Мои товарищи пожали плечами и отвѣчали мнѣ, что ничего не знаютъ, а между тѣмъ и сами не скрывали отъ меня своего недоумѣнія и безпокойства, которыя родились у нихъ отъ такого неожиданнаго призыва.

Въ ожиданіи появленія директора, мы почти съ часъ просидѣли въ залѣ, не говоря другъ съ другомъ ни слова. Директоръ Илья Федоровичъ Тимковскій имѣлъ иногда привычку потомить своихъ подчиненныхъ ожиданіемъ выхода, особенно въ случаяхъ важныхъ. Это обстоятельство еще болѣе смущало насъ и дѣлало безмолвными.

Наконецъ директоръ вышелъ къ намъ съ бумагою въ рукахъ и объявилъ намъ слѣдующее: «Вы, господа, должны всѣ трое отправиться въ Харьковъ, немедленно, по дѣламъ службы. Вотъ бумага, которую я сегодня получилъ отъ ректора университета Еллинскаго; извольте ее прочесть». Нужно ли описывать, съ какимъ нетерпѣніемъ мы желали поскорѣе узнать смыслъ этой бумаги? Содержаніе бумаги было короткое, но таинственное. Ректоръ писалъ директору слѣдующее: «Покорнѣйше прошу ваше высокоблагородіе немедленно распорядиться объ отправкѣ учителей ввѣренной вамъ гимназіи: Сбитнева, Македонскаго и Красковскаго въ Харьковъ, по дѣламъ службы, которые обязаны явиться ко мнѣ непремѣнно къ 9-му іюлю».

Директоръ и мы изумлялись отъ такого необыкновеннаго и поспѣшнаго требованія, тѣмъ болѣе, что о прогонахъ не было ничего упомянуто.

Какъ ни старались мы увѣрить себя, что намъ нечего страшиться, что мы не чувствуемъ за собой никакой вины, но не хочу скрывать, что мы все таки были встревожены такимъ строгимъ требованіемъ, безпримѣрнымъ для чиновниковъ учебнаго вѣдомства, по крайней мѣрѣ до этихъ поръ. Бывало, хочетъ чиновникъ служить и служитъ лѣтъ 40 на одномъ мѣстѣ, даже до смерти; желаетъ выйти въ отставку, его увольняютъ; вздумаетъ перемѣститься въ другое мѣсто, его перемѣщаютъ безпрекословно, если есть вакансія.

Бывало, учители по полугоду болѣютъ, достигаютъ глубокой дряхлой старости, придерживаются плохой, обветшалой методы въ преподаваніи своихъ лекцій,—все имъ прощалось. Начальство снисходительно смотрѣло даже на значительнѣйшіе недостатки и неспособности чиновника. «Совѣстно обидѣть бѣднаго несчастнаго чиновника, обремененнаго многочисленнымъ семействомъ, получающаго такой ограниченной окладъ жалованья»! говорили обыкновенно члены училищнаго комитета, если доходили къ намъ частныя, даже оффиціальныя свѣдѣнія о какомъ либо непригодномъ къ службѣ учителѣ. И не потому ли въ то время родители высшаго круга не питали совершеннаго довѣрія къ казеннымъ учебнымъ заведеніямъ и поручали воспитаніе своихъ дѣтей иноземнымъ пришельцамъ?..

Но я уклонился отъ предмета. Насъ занимало, насъ даже смущало таинственное требованіе, которое надо было выполнить въ самократчайшее время и въ совершенной точности. Словомъ, мы должны были спѣшить отправиться въ неблизкій путь.

Поѣздка въ Харьковъ.

Въ одинъ день я собрался въ дорогу; ко мнѣ присталъ Красковскій. Прогоновъ намъ не выдали, потому что отъ Новгородъ-Сѣверска до Харькова считается всего только 400 верстъ. Поэтому мы рѣшились отправиться въ путь на долгихъ и ужъ конечно на свой счетъ.

Лишь только вербы глуховской дороги скрыли отъ насъ Новгородъ-Сѣверскъ, вдругъ съ сѣвера начала подниматься черная туча, гонимая сильнымъ вѣтромъ; она заволокла весь горизонтъ и скрыла отъ насъ солнце; густая пыль, поднявшись столбомъ до облаковъ, ослѣпляла насъ, сверкнула молнія, грянулъ громъ, и тяжелая туча разразилась проливнымъ дождемъ, измочившимъ насъ до нитки. Неужели разлука моя съ семействомъ, подумалъ я, подвергнетъ жизнь мою внѣшнему бурному вліянію, изломитъ, запятнаетъ ея теченіе, до тѣхъ поръ покойное и счастливое? Крупный дождь мочилъ насъ до самой Богдановки, гдѣ мы рѣшились имѣть нашъ первый ночлегъ и высушиться. Къ

счастью нашему, на другой день настала ясная погода и не измѣняла намъ до самаго прибытія нашего въ Харьковъ.

Мы проѣхали Шостенскій пороховой заводъ. Прямыя, ровныя улицы, однообразные дома, построенные на кирпичныхъ основаніяхъ, красивыя ворота при въѣздѣ и выѣздѣ, съ позолоченными орлами, симметрическая посадка деревьевъ по улицамъ, ясно показывали, что надъ этимъ многолюднымъ поселеніемъ господствуетъ заботливая военная власть. Красивый Гамалѣевскій женскій монастырь навѣялъ на насъ набожныя чувства. Мы зашли въ церковь и помолились усердно, тепло; да выпутаетъ насъ Творецъ милосердый благополучно изъ нашихъ таинственныхъ обстоятельствъ! Прелесть глуховскихъ равнинъ, съ одной стороны безпредѣльныхъ, а съ другой окаймленныхъ лѣсистыми горами, разогрѣла нашу душу къ принятію живыхъ впечатлѣній, къ ослабленію нашей грусти, которая по временамъ невольно западала въ мою душу, какъ отъ грознаго призыва въ Харьковъ, такъ и отъ разлуки съ родиною и семьей.

За Глуховомъ, въ 6-ти верстахъ отъ деревни, прекрасный ландшафтъ представился намъ по обѣимъ сторонамъ дороги и такъ плѣнилъ насъ, что мы остановились здѣсь кормить лошадей, хотя еще было рано.

Вотъ небольшая рѣка Клевань! Она составляетъ рѣзкую границу между гетманщиною (Малороссіею) и Великою Россіею. За нею иные жители, иная рѣчь, иная дѣятельность, иные обычаи; даже замѣтна разность въ природѣ физической: вмѣсто песчаныхъ иолей, пересѣкаемыхъ частыми лѣсами, единообразная степь, состоящая изъ чернозема, съ роскошною растительностію, простирается до небосклона отдаленнаго.

Отъ чего единообразіе степи скоро наскучаетъ человѣку? Тамъ за легкій трудъ—богатая награда. Отъ чего гористыя мѣста, разрѣзываемыя бурными ручьями, поросшія густыми лѣсами, чаруютъ его душу? Тутъ и трудъ, и опасность, и малая награда, и препятствія. Отъ чего мирное, единообразное теченіе жизни нашей черствитъ умственныя наши способности и отъ чего сила ихъ проявляется только въ жизни дѣятельной и въ

борьбѣ съ препятствіями?—Подобные вопросы мы задавали одинъ одному въ Путивлѣ, въ городѣ замѣчательномъ въ эпоху борьбы Россіи съ властолюбіемъ Польши, и каждый изъ насъ рѣшалъ эти вопросы по своему убѣжденію.

Кто любитъ натуральные ландшафты, пусть въ Путивлѣ пойдетъ на городскую площадь, станетъ на самомъ краю утеса и посмотритъ на луговую сторону р. Сейма: тотъ, я увѣренъ, не равнодушно проведетъ часъ времени!

Вотъ торговой городъ Сумы. Онъ построенъ на самой срединѣ необъятной и прелестной равнины, омываемой р. Пселомъ.

Вотъ нагорное и лѣсистое урочище, называемое Образъ, потому, что въ красивой каплицѣ, которая сооружена возлѣ лѣса, хранится чудотворная икона Матери Божіей. Это урочище своими мрачными дубравами, дикими и глубокими ярами, пробудило въ товарищѣ моемъ воспоминаніе о наѣздничествѣ и удальствѣ гайдамакъ, которые когда-то скрывались въ этихъ лѣсныхъ трущобахъ. Онъ неравнодушно воспоминалъ о поэтической жизни этихъ суровыхъ сыновей пустынь слободско-украинскихъ, и въ честь ихъ спѣлъ, съ значительною восторженностію, пѣсню: «Лита орелъ, лита сизый».

Тѣ счастливцы, кому досугъ и богатство дозволяли почаще посѣщать различныя страны, меньше подвергаются сильнымъ впечатлѣніямъ; но мы, домосѣды, на все смотрѣли съ юношескимъ любопытствомъ. Насъ сильно занимали и особенности украинцевъ, рослыхъ и тяжелыхъ на подъемъ, и наивность ихъ женщинъ, опрятныхъ и привѣтливыхъ, и чистота избъ украинскихъ, выбѣленныхъ и кой-гдѣ желтою глинкою покрашенныхъ, и вообще приволье въ жизни украинской. Всякое укрѣпленіе, всякій курганъ, лежащіе въ степи, живо рисовали въ нашемъ воображеніи битвы русскихъ съ крымцами, бродячую жизнь запорожцевъ, ловкихъ, удалыхъ, и невольно приводили намъ на память мудрую и неусыпную дѣятельность русскихъ самодержцевъ, оградившихъ эти пустыни отъ внезапныхъ набѣговъ татаръ и вольницы, давшихъ средства основать села, мѣстечки и города, нынѣ уже значительно процвѣтающіе.

Впрочемъ, скажу мимоходомъ, тотъ сильно ошибется, кто потребуетъ отъ насъ многихъ дѣльныхъ замѣтокъ о нашемъ путешествіи отъ Новгорода Сѣверскаго до Харькова, на разстояніи почти 400 верстъ! Въ должностныхъ поѣздкахъ, спѣшныхъ, срочныхъ, сидя всякій день по пяти часовъ на повозкѣ до обѣденнаго отдыха и часа по четыре до ночлега, не много увидишь, узнаешь интереснаго о пройденной странѣ!... Одно воображеніе, насыщенное историческими воспоминаніями, оживляло нашу дорогу.

Наконецъ, въ бореніи любопытства и страха, мы увидѣли съ Холодной горы Харьковъ, 9-го іюля, именно въ тотъ день когда намъ велѣно явиться къ начальству университета...

Харьковъ.

Харьковъ многолюдный, красивый, богатый и торговый городъ. Вотъ что намъ тотчасъ бросилось въ глаза, когда мы ѣхали по длинной Екатеринославской улицѣ, обстроенной прекрасными зданіями! Намъ казалось, что жизнь въ немъ кипитъ несравненно болѣе, чѣмъ гдѣ либо, потому, можетъ быть, что мы долго засидѣлись въ скромномъ Новгородъ-Сѣверскѣ, гдѣ по главнымъ улицамъ, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, не увидишь часто ни одного человѣка! Отъ ѣзды множества экипажей надъ Харьковомъ висѣла густая пыль, для насъ не выносимая. Она и спирала наше дыханіе, и ослѣпляла наши глаза. Мы остановились на квартирѣ на постояломъ дворѣ, дрянномъ, неопрятномъ домикѣ, который стоялъ надъ самою р. Лопанью противъ круглаго трактира, въ близкомъ разстояніи отъ университета, и немедленно занялись приготовленіемъ къ предстоявшему на другой день утреннему визиту.

Ректоръ университета Елинскій принялъ насъ милостиво, обязательно и объявилъ намъ чистосердечно, что попечитель харьковскаго учебнаго округа Филатьевъ, бывшій еще въ ту пору въ Петербургѣ, предписалъ совѣту университета, чтобъ, выбравъ лучшихъ преподавателей изъ округа, отправилъ ихъ на службу въ имѣющія открыться учебныя заведенія въ подоль-

ской и волынской губерніяхъ; при томъ онъ добавилъ, что этотъ выборъ сперва повѣритъ лично самъ попечитель, а потомъ отъ тѣхъ чиновниковъ, на которыхъ падетъ жребій, никакія отговорки, никакія причины не будутъ приняты въ уваженіе, исключая только тяжкихъ неизлечимыхъ болѣзней. «Имъ, говорилъ онъ, выдадутъ, сверхъ прогоновъ, денежныя пособія на путевыя издержки; увеличатъ окладъ жалованья, несравненно большій противъ настоящаго, дадутъ впослѣдствіи и другія награды, и вообще тамъ служба гораздо виднѣе, чѣмъ здѣсь». «Для этой то цѣли и списокъ избранныхъ наставниковъ препроводится, добавлялъ онъ, на высочайшее усмотрѣніе государя императора»...

Скоро намъ ясны стали обстоятельства, приведшія къ такимъ чрезвычайнымъ мѣрамъ, равно и самый ходъ дѣла, къ которому мы призывались.

Въ 1830 году, въ началѣ осени, зашумѣли буйныя головы сперва въ Царствѣ Польскомъ, а потомъ въ нашихъ западныхъ провинціяхъ. Поляки, подстрекнутые французами, захотѣли отвергнуть мирную жизнь подъ мудрымъ правленіемъ русскихъ самодержцевъ и произвели войну кровопролитную. Но Варшава пала, анархія подавлена; буйныя головы удалились во Францію и Англію, а легкомысліе присмирѣло. Тогда-то наше правительство вознамѣрилось дать юношеству западныхъ губерній воспитаніе прочное, въ духѣ господствующаго народа и самодержавія. Для этой цѣли оно отправило, осенью 1831 года, въ кіевскую, подольскую и волынскую губерніи попечителя харьковскаго учебнаго округа Филатьева и двухъ профессоровъ харьковскаго университета: Кронеберга и Архангельскаго. Первымъ занятіемъ ихъ было закрыть всѣ существующія въ нихъ училища, ознакомиться съ тамошними чиновниками учебнаго вѣдомства и избрать мѣста, гдѣ удобнѣе можно основать гимназіи на новыхъ началахъ, такъ, чтобъ онѣ вполнѣ удовлетворяли требованіямъ правительства. Проэктъ ихъ по сему предмету представленъ былъ министру просвѣщенія Шишкову, а въ слѣдъ за проэктомъ отправился въ Петербургъ и самъ попечитель, для личнаго совѣщанія о новомъ устройствѣ училищъ.

Мы узнали, что, кромѣ насъ, почти въ одно время явились въ Харьковъ чиновники изъ гимназій: курской, воронежской, черниговской, екатеринославской, херсонской и астраханской. Вытребовано было всѣхъ чиновниковъ 52 человѣка.

Я нашелъ въ Харьковѣ многихъ моихъ товарищей по университету, а именно: Елинскаго, ректора университета и профессора хирургіи, Тюрина, директора херсонской гимназіи, Черняева, профессора ботаники, Затеплинскаго, профессора астрономіи, Бойкова, профессора агрономіи, Федорова и Яковлева, старшихъ учителей воронежской гимназіи, Калиновскаго, старшаго учителя астраханской гимназіи, и Пригару, штатнаго смотрителя борзенскаго училища.

Свиданіе наше было умилительно! Мы оставили университетскія скамьи около 15-ти лѣтъ тому назадъ, въ полной молодости, съ теоретическимъ воззрѣніемъ на свѣтъ, съ выгоднымъ мнѣніемъ о своихъ достоинствахъ. Мы надѣялись играть значительную роль въ обществѣ, получивъ высшее образованіе; мы были увѣрены, что будемъ пользоваться полнымъ уваженіемъ лицъ, не видѣвшихъ стѣнъ университета. Однако скоро мы разочаровались въ нашихъ мечтахъ в ожиданіяхъ! Скудный окладъ жалованья, встрѣча съ невѣжествомъ богатымъ, съ невѣжествомъ, гордившимся своимъ высокимъ происхожденіемъ, нежеланіе примѣняться къ пустымъ обычаямъ жителей, требовательныхъ и упорныхъ, особенно въ малыхъ городахъ, доставляли намъ много непріятвостей и горя. Обзаведшись семействомъ, мы еще болѣе усилили нашу незавидную долю. Недостатки и предосудительное поведеніе нашихъ предшественниковъ помогали невниманію къ намъ даже во мнѣніи порядочныхъ и благомыслящихъ людей. При томъ мы состарѣлись; нѣкоторые изъ насъ стали терять къ себѣ довѣріе, другіе совершенно пали духомъ. Однако мы все-таки много обязаны были наступившимъ событіямъ, хоть тѣмъ, что они помогли намъ свидѣться; безъ нихъ этого никогда не могло бы случиться. Забывъ настоящую дѣйствительность, для многихъ изъ насъ незавидную, мы, при нашихъ сходкахъ, бросались въ воспоминанія о быломъ, о на-

шей университетской жизни, полной наслажденій, мечтаній, надеждъ и очарованій. Въ общество наше часто приходили любимые нами профессора: Комлишенскій и Павловскій; Пригара былъ мастеръ одушевлять нашу бесѣду разсказами о козакахъ, которые надѣлали ему много хлопотъ, и живымъ изображеніемъ тѣхъ лицъ, о которыхъ онъ говорилъ, въ рѣчахъ, тѣлодвиженіяхъ и привычкахъ ихъ. Мы смѣялись много, какъ бывало, смѣялись въ то время, когда были студентами! Черняевъ и Затеплинскій описывали намъ свое свиданіе съ знаменитыми учеными въ Германіи, Франціи и Англіи, развитіе сельскаго домоводства, промышленности, цивилизаціи и просвѣщенія въ этихъ государствахъ. Они путешествовали за границею три года на счетъ суммъ харьковскаго университета. Тюринъ, который не задолго предъ симъ визитировалъ полуденныя учебныя заведенія харьковскаго округа, живо изображалъ намъ свои впечатлѣнія, которыя произвели на его душу величественный Эльборусъ, господствующій надъ цѣпью кавказскихъ горъ [1]). Эту цѣпь онъ уподоблялъ черной тучѣ, охватившей далекій горизонтъ, каменной стѣнѣ, преграждающей свободный путь въ прелестную Малую Азію, богатую историческими событіями, роскошью растительности и, къ сожалѣнію, варварствомъ жителей. Калиновскій разсказывалъ намъ про любопытную Астрахань, въ которой проживаютъ образчики почти всѣхъ азіятскихъ народовъ, съ ихъ богослуженіемъ, привычками и костюмами, наводилъ на насъ грусть, которую онъ самъ чувствовалъ, проѣзжая песчаную приволжскую пустыню, мѣстами населенную юртами калмыковъ. Я вспоминалъ мое двухъ-годичное пребываніе между черноморскими козаками, ихъ битвы съ горскими народами, о сопкахъ на Таманѣ и въ Крыму, о рѣзкихъ слѣдахъ существованія заморскаго царства и о моей храброй выходкѣ съ заржав-

---

[1]) Вѣдомству харьковскаго учебнаго округа принадлежали тогда гимназіи: симферопольская, ставропольская, екатеринодарская и астраханская со всѣми низшими училищами въ этихъ губерніяхъ. Полтавская и черниговская губерніи принадлежали тоже харьковскому округу.

ленной саблею, противъ напавшей на Екатериноградъ ватаги черкесовъ,—выходкѣ, заставившей расхохотаться всю широкоштанную усатую батарею черноморцевъ. Потомъ снова разнообразили нашу бесѣду задушевнымъ разсказомъ о нашихъ семействахъ, нашихъ предпріятіяхъ, надеждахъ, лишеніяхъ, потеряхъ и горестяхъ; хвалились пріобрѣтеніемъ опытности, тяжкими страданіями. И тутъ-то мы подмѣтили, что у многихъ изъ насъ уже показались сѣдины, начатки разрушенія организма! А много ли мы сдѣлали?!

Такимъ образомъ, не чувствительно для насъ протекло двѣ недѣли со времени нашего прибытія въ Харьковъ; а между тѣмъ не было никакихъ вѣстей ни о пріѣздѣ попечителя, ни о его распоряженіяхъ.

Университетское начальство, для того, чтобы мы не соскучились, озаботилось открыть намъ свою библіотеку и всѣ свои кабинеты; намъ позволяли пользоваться книгами, показывали намъ рѣдкіе и любопытные предметы и объясняли свойства ихъ. Эти учебныя пособія содержались въ отличномъ порядкѣ, но число предметовъ въ нихъ было пока не велико. Ежели университетъ имѣлъ тогда слишкомъ ограниченныя матеріальныя пособія, то чего же должно было ожидать отъ гимназій, уѣздныхъ училищъ?

Скоро потомъ профессора: Кронебергъ, Комлишенскій, Архангельскій, Бойковъ и Чановъ начали приглашать къ себѣ, по утрамъ, по очереди, по два или по три человѣка изъ вызванныхъ чиновниковъ. Имъ предлагались вопросы или изъ наукъ, которыми они преимущественно занимались, или изъ современныхъ событій, общественнаго быта, общей литературы, рѣшеніе которыхъ всѣмъ доступно. Профессора внимательно слѣдили за точностію отвѣтовъ, образомъ объясненія и пріемами въ обращеніи. Мой товарищъ Красковскій справедливо замѣтилъ, что эта бесѣда имѣла видъ испытанія, потому что гг. профессоры тотчасъ дѣлали свои отмѣтки. Впрочемъ Македонскій и я были изъяты отъ этого испытанія.

Надобно замѣтить, что Кронебергъ и Архангельскій отлично отзывалчсь всегда объ учителяхъ школъ въ западныхъ провинціяхъ; поэтому видно, что экзаменаторы этимъ испытаніемъ желали замѣнить тѣхъ преподавателей такими, которые не уступали бы имъ ни въ ловкости обращенія и находчивости, ни въ развитіи наукою.

Вслѣдъ за тѣмъ мы узнали, что эти испытанія производились по поводу письма, полученнаго ректоромъ отъ попечителя изъ Петербурга. Въ этомъ письмѣ онъ извѣщалъ также и о скоромъ своемъ возвратѣ въ Харьковъ.

Прошла еще недѣля! Нѣтъ попечителя, нѣтъ мѣръ для рѣшенія нашей участи. Уже и наши средства содержанія стали истощаться, потому что мы взяли изъ дому не много денегъ, полагая недолго прожить въ Харьковѣ. Мы стали уже скучать и скука наша проявлялась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ прежде живѣе было удовольствіе отъ свиданія съ школьными товарищами. Уже стали мы замѣчать, что иное товарищъ въ школѣ, иное человѣкъ въ свѣтѣ....

Наконецъ, 4-го августа, часу въ четвертомъ по полудни, пріѣхалъ попечитель, котораго скоро посѣтилъ ректоръ университета. Итакъ, мгла нашихъ финансовыхъ затрудненій разсѣялась, давъ мѣсто овладѣть душею нашею надеждѣ на скорое рѣшеніе нашей участи!

Дѣйствительно, на другой день насъ оповѣстили, чтобы мы 6-го августа собрались въ университетскую церковь для выслушанія обѣдни, а потомъ явились бы къ его превосходительству.

И вотъ, мы, вызванные чиновники, въ 9 часовъ 6-го августа, всѣ прибыли въ церковь въ полныхъ мундирахъ, за нами многіе професора и ректоръ университета, а потомъ и самъ попечитель. Обѣдня тотчасъ началась. Конечно молитва наша была теплая, усердная. Послѣ обѣдни ректоръ повелъ насъ въ залу, къ его превосходительству. Чрезъ нѣсколько минутъ въ кабинетъ попечителя позвали Кулжинскаго и Рудановскаго. Когда они возвратились къ намъ, то по радос-

нымъ лицамъ ихъ видно было, что имъ сдѣлано было назначеніе очень пріятное. Дѣйствительно, первый назначенъ директоромъ, второй инспекторомъ въ луцкую гимназію. Учителями въ туже гимназію опредѣлены Морачевскій и Калиновскій. За сими вслѣдъ позвали меня и Македонскаго. Его превосходительство съ минуту пытливо смотрѣлъ на насъ, не говоря ни слова. Потомъ онъ милостиво объявилъ намъ, что одинъ изъ насъ долженъ отправиться инспекторомъ въ Каменецъ-Подольскую гимназію, гдѣ опредѣленъ уже директоромъ Телешевъ, а другой въ житомірскую, гдѣ есть уже директоръ Бокщанинъ. Македонскій просилъ іопечителя предоставить ему службу въ житомірской гимназіи, по той причинѣ, что въ Житомірѣ служилъ его братъ, слѣдовательно, на мою долю досталась служба въ Каменецъ-Подольскѣ. И я принялъ мой жребій съ живѣйшею благодарностію его превосходительству за его милостивое вниманіе ко мнѣ. Учителями въ подольскую гимназію назначены: Китченко, Науменко и мой товарищъ Красковскій, а въ житомірскую приглашены два чиновника изъ Петербурга. Въ винницкую гимназію опредѣлены: директоромъ Фовицкій, инспекторомъ Рябоконовъ, а учителемъ Яковлевъ. Всѣмъ прочимъ вызваннымъ чиновникамъ велѣно отправиться къ своимъ должностямъ, а намъ ожидать пока дальнѣйшихъ распоряженій.

И такъ только 12 человѣкъ было избрано дѣятелями великаго дѣла преобразованія молодаго поколѣнія въ губерніяхъ кіевской, подольской и волынской, вмѣстѣ съ чиновниками кіевской гимназіи, куда издавна опредѣляли уже чиновниковъ православнаго исповѣданія. И это избраніе послѣдовало въ день Преображенія Господня, какъ бы въ ознаменованіе того, что и мы должны облечься въ новую одежду труда и тонкаго благоразумія, содѣйствуя видамъ правительства!

Мы простились съ товарищами нашей юности со слезами на глазахъ. Они пожелали намъ успѣха въ предполагаемой цѣли, а мы, проводивъ ихъ, пожелали имъ лучшей участи, здоровья и долголѣтней жизни. Разлука наша была также уми-

лительна, какъ и самое свиданіе. Свидимся ли мы снова еще въ этой жизни?...

10 августа и наша судьба рѣшена окончательно. Попечитель приказалъ намъ, по полученіи ирогоновъ, отправиться къ мѣстамъ нашей службы, гдѣ мы должны ожидать предписанія объ отъѣздѣ въ западныя провинціи, выдачи прогонныхъ денегъ и сверхъ того значительнаго денежнаго пособія на подъемъ. Того же числа мы оставили Харьковъ. Время покроетъ туманомъ забвенія наше необыкновенное посѣщеніе этого города, посѣщеніе, которое сильно занимало жителей его! Это событіе замѣнится приливомъ свѣжихъ важнѣйшихъ произшествій; время также поглотитъ въ волнахъ забвенія и наше существованіе, замѣнивъ его другими дѣятелями по учебному вѣдомству, съ иною цѣлью, иною предпріимчивостію!

Не равнодушно мы взглянули съ дергачевскихъ горъ, можетъ быть въ послѣдній разъ, на высокую харьковскую колокольню, которая начала уже скрываться въ туманной выси. Слеза закрыла глаза мои. Я всегда любилъ и теперь люблю Харьковъ, гдѣ въ юности, воспріимчивой, цвѣтущей, беззаботно взиралъ на будущее, гдѣ я имѣлъ много свѣтлыхъ отрадъ: и родственную привѣтливость моихъ наставниковъ, и наслажденія въ наукѣ, дружбѣ, и сильныя біенія сердца къ существу, которому не суждено было сопутствовать мнѣ въ жизни. Эти воспоминанія всегда слѣдили меня, и нынѣ слѣдятъ въ минуты моего одиночества, отдохновенія, и будутъ слѣдить до послѣдняго моего дыханія...

Красковскій долго стоялъ неподвижно, глядя на Харьковъ. Потомъ, глубоко вздохнувъ, отеръ глаза и сказалъ: «пора ѣхать! пора! поѣдемъ»!

Новгородъ-Сѣверскъ. 1832 года.

1-го декабря дирекція гимназіи получила предписаніе отъ училищнаго комитета харьковскаго университета объ отправленіи меня въ Каменецъ-Подольскій на должность инспектора гимназіи и вмѣстѣ преподавателя высшей части математики,

Македонскаго въ гимназію житомірскую на должность инспектора и преподавателя русской словесности, а Красковскаго преподавателемъ латинскаго языка, присовокупляя при этомъ, что гимназіи подольская и житомірская должны открыться непремѣнно 1-го генваря 1833 года. И такъ это предписаніе есть послѣднее звѣно, соединявшее меня съ родною гимназіею, гдѣ я прежде учился, а потомъ служилъ!

Директоръ замедлилъ отправкою насъ, потому, что не скоро были высланы подорожнія отъ черниговскаго гражданскаго губернатора, а въ то время не имѣлось подорожень по казенной надобности. Судя по заботливости Тимковскаго о надзорѣ за, гимназіею, ему ввѣренною, которую этотъ превосходный начальникъ желалъ сдѣлать образцовою, это замедленіе для него было очень пріятно, потому что гимназія отъ недостатка трехъ преподавателей могла ослабѣть, а ихъ не только въ то время, да и теперь замѣнить другими, наличными, было почти не возможно.

Наконецъ, 6-го генваря, мы получили прогонныя деньги, подорожнія и подъемныя: Македонскому и мнѣ назначили по 300 руб. ассиг., а Красковскому 150 руб. асс. Мы простились съ нашимъ начальникомъ, глубоко нами уважаемымъ, который постоянно, не усыпно заботился, какъ онъ всегда выражался, о своей гимназіи, умѣлъ подчинить насъ къ себѣ душевно, входя съ живымъ участіемъ во всѣ обстоятельства нашей частной жизни, наблюдая и укрѣпляя насъ къ неослабному исполненію служебныхъ обязанностей нашихъ. Новгородсѣверскую гимназію онъ называлъ своею еще потому, что онъ преобразовалъ ее въ 1808 году изъ главнаго народнаго училища, будучи посланъ для этой цѣли отъ университета визитаторомъ. Сверхъ того, еще въ бытность свою профессоромъ университета, участвовалъ и голосомъ и властію въ необходимости имѣть гимназію въ такомъ пунктѣ, отъ котораго-бы прочія гимназіи отстояли почти на двухъ-сотъ-верстномъ разстояніи. Эту мѣру вполнѣ одобрилъ бывшій министръ просвѣщенія, графъ Петръ Васильевичь Завадовскій, который, посѣщая, лѣтомъ 1809 года,

новгородсѣверское главное народное училище, остался доволенъ и способностями преподавателей и успѣхами учащихся, и многолюдствомъ и благонравіемъ ихъ, и прелестнымъ положеніемъ города.

Подлинно, существуютъ также стратегическіе пункты для устройства учебныхъ заведеній, подобно тому, какъ существуютъ стратегическія мѣста, важныя въ военномъ отношеніи. Гдѣ много живетъ въ окрестности мелкопомѣстныхъ дворянъ, тамъ учебное заведеніе будетъ непремѣнно многолюдно. Устройте училище въ киргизскихъ степяхъ, снабдите его превосходными пособіями, дайте ему отличныхъ преподавателей, оно будетъ пусто. По этому не удивительно, если новгородсѣверская гимназія была всегда многолюдна и пользовалась постоянно хорошею репутаціею, по причинѣ достойныхъ чиновниковъ, въ ней служившихъ и служащихъ.

Я простился съ моими сотрудниками по новгородсѣверской гимназіи. Нѣкоторые изъ нихъ были моими наставниками, а другіе когда-то дѣлили со мною дѣтскія игры, потомъ раздѣляли со мною трудные, святые подвиги на поприщѣ воспитанія юношества.

Поѣздка въ Каменецъ-Подольскій.

10-го генваря, 1833 года, обнявъ мое семейство, я оставилъ Новгородсѣверскъ. Малолѣтнія дѣти мои не понимали еще этой разлуки. Я не могъ и не считалъ благоразуміемъ разомъ подняться со всѣмъ моимъ семействомъ, потому болѣе, что, какъ я думалъ тогда, опасно было пріѣхать въ страну, гдѣ недавно кипѣли смуты и брани, и потому, что было неудобно переѣзжать съ дѣтьми въ холодную пору, и еще потому, что сперва нужно устроить квартиру, обзавестись разными потребностями, обыкновенными въ семейномъ быту.

Пріѣздомъ моимъ въ Кролевецъ я обрадовалъ тамошняго судью, Капитана Долинскаго. Этотъ чиновникъ былъ мой родственникъ, съ которымъ видѣться въ каникулярное время было непремѣнною моею обязанностію. Онъ участвовалъ въ борьбѣ

Александра Благословеннаго съ Наполеономъ, а потому всякій разъ свиданіе съ нимъ было для меня интересно. Къ тому-же онъ былъ мастеръ разсказывать пламенно, увлекательно, подробности о томъ, что самъ видѣлъ, слышалъ, про отечественную войну, о которой еще не доходило къ намъ никакихъ описаній. Я пробылъ у него однако не болѣе двухъ часовъ. Ночевалъ въ Алтыновкѣ на станціи, гдѣ въ комнатѣ безъ ошибки можно было опредѣлить болѣе 10° и ниже точки замерзанія.

На другой день я проѣхалъ Батуринъ, бывшій долгое время столицею малороссійскихъ гетмановъ, а теперь деревня, построенная на живописномъ мѣстѣ. Имѣлъ ночлегъ въ Борзнѣ у тамошняго штатнаго смотрителя Пригары, о которомъ я упомянулъ уже прежде. Я прозябъ до костей отъ сильнаго мороза, но Пригара меня согрѣлъ и теплотою своей пріязни, и горячимъ чаемъ, и своими разсказами, всегда забавными. Однако среди нашего веселія прививалась ко мнѣ порою грустная мысль о разлукѣ съ семействомъ и родиною, гдѣ душа отдыхала, обращаясь къ предметамъ знакомымъ, и наслаждалась воспоминаніемъ о былomъ!

Правда, и на родинѣ не всегда свѣтитъ солнце истины, не всегда цвѣты надеждъ прозябаютъ, не всегда ласкаютъ благовонные зефиры усердія и радушія. Гдѣ-же лучше, однако, укрыться отъ непогодъ и грозныхъ явленій нравственнаго міра, какъ не въ родимомъ уголкѣ своемъ? Горько уподобляться стеблю оторванному отъ своего корня, стеблю, который сохнетъ въ отдаленіи! Горько влачить жизнь безъ пріязненныхъ движеній души, услаждающихъ наше бытіе и которыя рѣдко встрѣчаемъ на чужой сторонѣ!...

Хотя Борзна стоитъ на московской дорогѣ, однако мало обнаруживаетъ признаковъ благосостоянія. Этотъ городъ богатъ больше естественными произведеніями, чѣмъ деньгами и промышленностію, а потому жители его обитаютъ по большей части въ домахъ съ кровлями соломенными. На третій день я прибылъ въ Нѣжинъ, населенный греками, имѣющій высшую гимназію, устроенную иждивеніемъ князя Безбородка въ 1820 году. Это

заведеніе и торговля сдѣлали его значительнымъ городомъ въ имперіи; Нѣжинъ славится вареньями, табакомъ, огурцами, сливами, вишнями и греческими колбасами. Здѣсь я видѣлся съ гимназическимъ врачемъ. Федоровичемъ, очень образованнымъ молодымъ человѣкомъ, и Билѣвичемъ, бывшимъ моимъ сослуживцемъ, а теперь профессоромъ въ гимназіи. Послѣднему я былъ когда-то полезенъ своими связями по Харькову, а въ Нѣжинѣ, на перепутьи, онъ въ свою очередь отплачивалъ мнѣ своимъ родственнымъ радушіемъ. Федоровичу я также много обязанъ и покойнымъ пріютомъ, и дружескимъ привѣтомъ, и гостепріимствомъ. Кто не вспоминаетъ во все продолженіе своей жизни съ живѣйшею благодарностію о вниманіи тѣхъ лицъ, которые успокоивали насъ отъ путевыхъ трудовъ съ теплымъ участіемъ и заботою!

Оставляя броварскую станцію, я забылъ усталость тѣлесную. Можно ли равнодушно приближаться къ Кіеву, особенно въ первый разъ, какъ я тогда, этому богатому нѣкогда городу, гдѣ развилось ядро государственнаго быта Россіи, началось христіанство, быстро разлившееся по славянскимъ племенамъ! Съ чувствомъ благоговѣнія я посѣтилъ печерскую лавру, поклонился святымъ мощамъ угодниковъ Божіихъ въ ближнихъ и дальнихъ пещерахъ; посѣтилъ также софійскій, михайловскій и николаевскій соборы и братскій монастырь. Съ трепетомъ, съ благоговѣйнымъ чувствомъ приближался я къ тому мѣсту въ оврагѣ, гдѣ князь Владиміръ крестилъ народъ свой въ христіанство. Почти въ одинъ день ознакомился я съ Кіевомъ, знаменитымъ по стратегическому своему положенію, въ военномъ отношеніи, и по историческимъ событіямъ, въ немъ совершившимся.

Любопытны, величественны и очаровательны и окрестности его, если смотрѣть на нихъ или съ крѣпостного вала, или съ главной площади, обсаженной стройными тополями, или съ Андреевской горы.

При всемъ томъ, я долженъ сознаться, что внутренность Кіева разочаровала меня. Множество избъ ветхихъ, полуразвалившихъ, на Печерскомъ, Крещатикѣ и Старомъ Кіевѣ, и толпы

жидовъ слишкомъ безобразятъ городъ. Если отнять отъ него великолѣпные соборы и монастыри, зданія въ крѣпости, присутственныя мѣста, гимназіи и десятка два частныхъ домовъ; то Кіевъ сдѣлается ничтожнымъ городомъ. Одинъ только Подолъ заслуживаетъ названія очень порядочнаго города. Могъ ли я думать, чтобъ этотъ многолюдный городъ, посѣщаемый жителями почти всей Россіи, стоящій на такой богатой судоходной рѣкѣ, существующій почти пятнадцать вѣковъ, бывшій долгое время столицею великихъ князей, такъ мало двинулся во внутреннемъ благоустройствѣ? Харьковъ почти въ шесть разъ моложе его, но Харьковъ богатствомъ частныхъ домовъ гораздо выше Кіева. Причиною медленнаго шествія Кіева къ благосостоянію, на которое онъ имѣетъ полное, заслуженное право, полагаю, частыя разрушенія отъ татаръ, междоусобія князей, а особенно притѣсненія отъ Польши, подъ властію которой онъ долгое время стоналъ. Нужны и долгое время и сильныя средства на уврачеваніе глубокихъ язвъ, для движенія къ улучшенію его благосостоянія. Эти сильныя средства уже примѣнилъ къ Кіеву государь императоръ Николай I-й. Основаніе университета св. Владиміра, сооруженіе крѣпости, кадетскаго корпуса, института благородныхъ дѣвицъ, льгота дарованная купечеству—быстро двинули его къ цвѣтущему состоянію. Кіевъ въ послѣдніе 15 лѣтъ сдѣлалъ гораздо болѣе успѣха въ своемъ благоустройствѣ, чѣмъ прежде въ 15 вѣковъ.

Окончивъ осмотръ города, я посѣтилъ моего товарища по университету, Абрамова. Онъ и я разстались съ Харьковомъ почти въ одно время: его отправили въ кіевскую гимназію, а меня въ екатеринодарскую, а потому въ теченіи 15-ти лѣтъ мы не видались одинъ съ другимъ и немного состарѣлись. Можно догадаться, что намъ было кое-что разсказать! Отъ него-то я узналъ, что уже открытъ новый учебный округъ, котораго попечителемъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, Егоръ Федоровичъ фонъ-Брадке. Итакъ, разлучась съ харьковскимъ округомъ, мы должны были ознакомиться съ новымъ начальствомъ, совершенно насъ не знавшимъ. У товарища моего

я увидѣлся также съ Петровымъ, блестящимъ молодымъ человѣкомъ по образованію, уму и службѣ.

Уже ударило 12 часовъ, я поспѣшилъ изъявить мое уваженіе генеральшѣ Александрѣ Ивановнѣ Семенютиной. Въ домѣ отца ея, профессора харьковскаго университета, Каменскаго, я былъ принятъ почти какъ родной и участвовалъ въ воспитаніи малолѣтнихъ дѣтей его. Съ нею я также не имѣлъ чести видѣться около пятьнадцати лѣтъ. Предъ отъѣздомъ моимъ въ Черноморію, я оставилъ ее въ Харьковѣ дѣвицею, которая, по отличному воспитанію въ наукахъ, блестящему таланту въ музыкѣ, считалась первою дѣвицею въ Харьковѣ. Случайная поѣздка ея въ Кіевъ рѣшила тамъ ея судьбу. Но тѣ годы, въ которые мы не видѣлись, оставили на ея лицѣ, тогда цвѣтущемъ, прекрасномъ, неизгладимыя морщины!... Сестры ея, бывшія мои ученицы, также замужнія, приняли меня съ теплымъ радушіемъ, вспоминали о своихъ маленькихъ дѣтскихъ продѣлкахъ, въ полномъ убѣжденіи, что я опыхъ тогда вовсе не замѣтилъ..... Тутъ-то я имъ сознался, что мое незамѣчаніе было притворное, потому что онѣ были скромныя дѣвицы, а къ такимъ дѣвицамъ всегда есть снисхожденіе, даже въ дѣлахъ серьезныхъ.

Я возвратился отъ моихъ знакомыхъ на квартиру, бывшую на почтовой станціи, въ 3 часу вечера. Они и на другой день приглашали меня къ себѣ; я обѣщалъ, но не исполнилъ, потому что хотѣлъ скорѣе достигнуть цѣли моего путешествія. Я рѣшился выѣхать изъ Кіева. Станціонный писарь совѣтовалъ мнѣ ѣхать въ Каменецъ-Подольскій чрезъ Винницу. «И ближе и дешевле, чѣмъ чрезъ Житоміръ», говорилъ онъ. Совѣтъ его я принялъ охотно; въ Винницѣ, думалъ я, найду моихъ товарищей, которые мнѣ сообщатъ свои наблюденія надъ обывателями, съ которыми доведется мнѣ жить, и дадутъ опытный совѣтъ, какъ успѣшнѣе, ловче, безъ противоборства, достигнуть цѣли, для которой начальство отправило насъ въ эти мѣста.

Въ 10 часовъ ночи я мчался уже по направленію Крещатика, потомъ переѣхалъ чрезъ Лыбедь, поднялся на гору, быстро переѣхалъ чрезъ дремучій лѣсъ и наконецъ почти въ полночь очутился на станціи въ Васильковѣ. Чрезъ полъ-часа я оставилъ этотъ историческій, но незавидный городъ, построенный на скатѣ горы, богатый нечистотою и неопрятными жидовскими корчмами. Свѣтлая луна, тихая, безморозная ночь, очень содѣйствовали и поощряли меня къ продолженію пути; потомъ предметы стали слабѣе мелькать въ глазахъ моихъ, думы и впечатлѣнія стали гаснуть мало по малу, наконецъ погасли. Словомъ, я заснулъ и спалъ крѣпкимъ сномъ до самой Бѣлой-Церкви, построенной на большой равнинѣ. Это мѣстечко памятно тѣмъ, что въ немъ приговорены къ казни Искра и Кочубей, павшіе въ д. Борщаговкѣ отъ сѣкиры, которую наточили злоба и мщеніе Мазепы.

На другой день, не взирая на снѣгъ, валившій хлопьями, я видѣлъ на пути своемъ деревни съ ветхими деревянными церквами, на перекресткахъ кресты съ распятіемъ нарисованнымъ, съ распятіемъ вырѣзаннымъ изъ дерева. И такъ мнѣ довелось видѣть три уѣздныхъ города за Днѣпромъ: Васильковъ, Сквиру и Липовецъ, въ который я прибылъ въ 6 часовъ вечера. Боже мой! Что это за города? Это собраніе корчемъ, поставленныхъ безъ порядка, плана, по произволенію домохозяевъ-жидовъ, на кривыхъ улицахъ, на которыя гнѣваются, кажется, и самыя корчмы, глядя на нихъ искоса, на эти улицы, наполненныя навозомъ и нечистотою, предназначенныя, казалось, болѣе для стойла скоту, чѣмъ для сообщенія людямъ.

Изъ Липовца нѣтъ почтовой дороги до Винницы. Я рѣшился здѣсь переночевать, а утромъ поискать фурмана, который бы свезъ меня въ Винницу короткимъ путемъ.

Уже мнѣ поданъ самоваръ, а за нимъ, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, явился и самъ хозяинъ еврей, такой благообразный, щеголевато одѣтый, такъ приличенъ въ обращеніи и, казалось, такой добрый, безкорыстный! Я предложилъ ему ста-

канъ чаю и при этомъ объявилъ ему, что нуждаюсь въ фурманѣ, который бы свезъ меня въ Винницу.

— Извольте ваше превосходительство, ваше благородіе, васъ панъ! Звините, я не знаю, какъ васъ назвать», затараторилъ предо мною еврей съ быстрымъ жестомъ.—«Ну, и у меня есть лошади, не почтовыя, а мои. И какія лошади! молодыя, крѣпкія, а летятъ, какъ змѣи, извольте ѣхать хоть сей-часъ! За три часа мѣста будете въ Винницѣ. Ночь свѣтлая, дорога славная, панъ и не опомнитесь, какъ будете на мѣстѣ».

Я положился на увѣренія хитраго еврея и тутъ же сторговался съ нимъ за три рубля серебромъ.

Неохотно разставался я съ чистою и теплою моею квартирою, какъ будто предчувствовалъ бѣду, которая случится со мною въ эту ночь!... Пара лошадей уже были заложены; кучеръ, жидъ, сидя въ саняхъ, ожидалъ меня. Меня однако удивило, что лошади при самомъ выѣздѣ со двора едва-едва тронули съ мѣста. Сначала я подумалъ, что это кучи наваленнаго на дворѣ навозу затрудняютъ ихъ прыть; но послѣ оказалось, что еврей надулъ меня, давъ мнѣ тощихъ, старыхъ и лѣнивыхъ лошадей. Что-жъ однако было дѣлать? Не возвращаться же назадъ, сдѣлавши уже нѣсколько верстъ! Но тутъ новая бѣда: не успѣли мы проѣхать и 15 верстъ отъ Липовца, какъ на самомъ почти рубежѣ подольской губерніи, густая туча, нахлынувъ, заслонила свѣтлый мѣсяцъ и скрыла нашу дорогу. Потомъ поднялась вьюга; снѣгъ билъ намъ въ лице и засыпалъ дорогу; лошади стали утомляться, наконецъ мы потеряли дорогу. Неужели, подумалъ я, это грозное естественное явленіе есть предзнаменованіе нравственной невзгоды, которая встрѣтитъ меня въ подольской губерніи, во время моей тамъ службы? Неужели это мнѣ предсказываетъ нравственную вьюгу, которая омрачитъ, замедлитъ мой путь, мое стремленіе къ исполненію государственной мѣры, къ улучшенію моего быта? Но сильный вѣтеръ, насквозь продувшій меня, но сильный снѣгъ, засыпавшій меня, выкинувъ всякую думу, со всѣми ея предчувствіями, изъ головы моей, заставилъ меня заботиться о самохраненіи, искать приста-

нища, гдѣ бы можно было укрыться отъ ненастья и согрѣться. Едва, едва усталыя лошади дотащили меня до какой-то корчмы, стоявшей въ лѣсу, неопрятной, холодной, находившейся въ двѣнадцати верстахъ отъ Винницы. Подъ шубой, на полу, на соломѣ, отогрѣвая мои окоченѣлые члены, я крѣпко жалѣлъ объ оставленномъ ночлегѣ, тепломъ и съ удобствами. О самоварѣ здѣсь и думать было нельзя! Эта корчма, со времени своего основанія, никогда не имѣла этой машинки.

По утру, часовъ въ 10, я прибылъ въ Винницу и остановился въ чистой корчмѣ, находившейся почти противъ гимназіи. Оправившись отъ всѣхъ страданій, потерпѣнныхъ въ прошедшую ночь, я немедленно пошелъ къ Яковлеву, учителю русской словесности, куда скоро прибылъ и инспекторъ гимназіи Рябоконовъ. Отъ нихъ я узналъ, что винницкая гимназія открыта 6-го декабря, слѣдовательно, существуетъ въ новомъ видѣ почти полтора мѣсяца; они же сообщили мнѣ свои наблюденія надъ воспитанниками, разсказали о своихъ свиданіяхъ съ ихъ родителями и о желаніяхъ сихъ послѣднихъ. Почетный попечитель Држевецкій руководствовалъ ихъ на первыхъ порахъ, чтобы выиграть общественное мнѣніе и такимъ образомъ собрать большее число учащихся. Стали искать просторныхъ квартиръ, куда-бъ можно было помѣщать побольше учениковъ гимназіи, для лучшаго за ними надзора. Инспекторъ каждый день предъ начатіемъ ученія водилъ ихъ въ костелъ, для выслушанія «цихой» мши, которую отправлялъ латинскій законоучитель гимназіи. Эти пріемы очень понравились обществу, потому что такъ дѣлалось въ прежнихъ школахъ. Въ самомъ дѣлѣ, благоразумно, очень дѣльно поступаютъ тѣ преобразователи, которые, не торопясь, придерживаясь хотя нѣсколько прежнихъ обыкновеній, привычекъ, вводятъ мало по малу свои, новыя, согласныя съ предназначенною цѣлію. При воспитаніи юношества вездѣ, и особенно въ странѣ, не выгодно къ намъ предубѣжденной, необходимо общественное довѣріе, пріобрѣтаемое не однимъ честнымъ трудомъ, но вмѣстѣ угожденіемъ родителямъ и дозволеннымъ снисхожденіемъ къ дѣтямъ.

Изъ разсказовъ моихъ товарищей я смекнулъ, въ чемъ дѣло, а потому и поспѣшилъ оставить Винницу въ тотъ же день.

Въ сумерки проѣхалъ я Литинъ, городъ, подобный городамъ, которые я видѣлъ въ кіевской губерніи: тѣже корчмы, таже нечистота, тѣже жиды. Въ 9 часовъ вечера я пріѣхалъ въ Летичевъ и остановился ночевать на почтовой станціи, теплой, опрятной и просторной.

Утро 19 генваря встрѣтилъ я радостно, потому, что въ этотъ день наставалъ конецъ моему путешествію. Десятидневная моя поѣздка изпурила меня, приливъ новыхъ впечатлѣній, новыхъ чувствованій утомили мою душу.

Когда я выѣхалъ изъ прелестной рощи, лежащей за Летичевомъ, вправо мелькнули мнѣ зубчатыя стѣны Меджибожа, бывшія когда-то опорою отъ набѣговъ турокъ и татаръ. Адамъ Чарторійскій потерялъ этотъ замокъ и илючь богатыхъ его имѣній, лежащихъ по р. Бугу, за участіе въ послѣднихъ польскихъ смутахъ. Если зимою становится весело душѣ, глядя на деревни и лѣса, расположенные по берегамъ Буга, то какъ очаровательны должны быть эти мѣста лѣтомъ! Трудно найти равнину красивѣе, плодоноснѣе, роскошнѣе этой равнины!

При выѣздѣ изъ Проскурова съ особеннымъ любопытствомъ взираешь на холмистую равнину, теряющуюся въ далекомъ небосклонѣ; ее уподобить можно громаднымъ волнамъ необозримаго океана, взволнованнаго бурею. Это значитъ, я въѣхалъ въ отрасль Карпатовъ. На 25-й верстѣ отъ Проскурова, влѣво отъ дороги, простирается широкая долина, на которой построена деревня и господскій домъ, принадлежащіе князю Дульскому. Эта фамилія замѣчена исторіею по связямъ ея съ честолюбивымъ Мазепою.

Какое милое мѣстечко Ярмолинцы! И въѣзжаешь въ него, и выѣзжаешь изъ него по аллеѣ, усаженной многолѣтними топо-

лями. Оно обстроено каменными, красивыми корчмами, которыя содержатся чисто. Огражденный каменною стѣною базаръ украшаетъ базарную площадь, а эта площадь господствуетъ надъ обширною холмистою равниною, изрѣдка окаймленною лѣсами.

Вотъ уже мелькнуло мѣстечко Тинное съ великолѣпнымъ костеломъ, возлѣ котораго поставленъ изваянный изъ камня образъ Матери Божіей, во весь ростъ. Вотъ показалась деревня Нѣгинъ, огражденная справа и слѣва высокими каменными утесами. Наконецъ, съ высотъ горы, на которой отведены православное и латинское кладбища, свѣтлая луна озарила блѣдными лучами Каменецъ-Подольскій, въ глубокой безднѣ лежащій, и возлѣ него замокъ, съ высокими и острыми башнями.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки Ивана Матвѣевича Сбитнева.

(Изъ времени учрежденія на Волыни и Подоліи, послѣ возстанія 1831 г., русскихъ школъ, въ замѣнъ польскихъ).

(Продолженіе) [1]).

Каменецъ-Подольскій.

Въ смутныхъ ощущеніяхъ радости, грусти и любопытства я въѣхалъ въ Каменецъ въ 11 часовъ вечера 19 генваря 1833 года и остановился въ трактирѣ, который находится противъ ресурсоваго дома, гдѣ обыкновенно бываетъ благородное собраніе. Я принялъ рѣшительное намѣреніе сперва хорошенько выспаться, а потомъ предаться дня на два уединенію, чтобы успокоить и тѣло мое отъ утомленія, и душу мою отъ взволновавшихъ ее ощущеній.

Но это намѣреніе мое рушилось, какъ иногда разрушаются многія человѣческія предначертанія, гораздо важнѣйшія! Едва разсвѣло, какъ начали осаждать меня факторы; одна толпа этихъ нахаловъ смѣнялась другою; шумъ ихъ разбудилъ меня. Изъ нихъ нахальнѣе всѣхъ былъ Абрагамъ или Аврумъ, смуглый еврей, небольшаго роста, съ черными волосами. Въ одно время, одни факторы предлагали мнѣ превосходную квартиру, другіе— иголки, иные развертывали предо мною чахлы съ заграничными суконами, а иные женскіе чулки, шелковыя матеріи, разныя мыла, помады, гребни, щетки, конфекты; всего не перечтешь.

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1887 г., февральск. кн., стр. 285—316.

— Убирайтесь!—сказалъ я имъ, мнѣ ничего не нужно; прійдете послѣ, а теперь дайте мнѣ покой.

Лишь только произнесъ я эти слова, какъ Аврумъ сталъ по своему распоряжаться: онъ вытолкалъ изъ моей комнаты всѣхъ своихъ товарищей, а самъ, надѣлавши болѣе всѣхъ другихъ шуму, началъ обвинять своихъ товарищей въ невѣжливости, нахальствѣ и шумѣ. Оставшись одинъ со мною, онъ тотчасъ же подступилъ ко мнѣ съ своими распросами и свѣдѣніями.

— Ну, позвольте, господинъ, знать, зачѣмъ же вы пріѣхали? И кто вы будете, господинъ, и какъ васъ величать?

Я не отвѣчалъ. Ловкій факторъ перемѣнилъ тактику.

— А, знаете, господинъ, что я вамъ скажу? Былъ я сейчасъ у директора гимназіи,—я тамъ свой человѣкъ. Ну, и какъ же онъ жалѣетъ, что доселѣ нѣтъ инспектора. И мы всѣ жалѣемъ; съ часу на часъ ожидаемъ его, а онъ не ѣдетъ. Мы уже и квартиру для него приготовили, славную квартиру, гдѣ квартировалъ губернскій маршалъ, графъ.....

Я не выдержалъ и машинально спросилъ:

— А далеко ли отсюда до этой квартиры и просторна ли она?

Эти вопросы измѣнили моему инкогнито.... Абруму только это и нужно было; онъ тотчасъ смекнулъ мое званіе и мгновенно улизнулъ изъ комнаты.

Чрезъ полъ-часа Аврумъ, снова явясь ко мнѣ, уже скороговоркою и съ сіяющимъ лицемъ передавалъ мнѣ:

— Я, знаете, господинъ инспекторъ, заразъ до пана директора побѣжалъ и сказалъ ему, что господинъ инспекторъ уже пріѣхалъ и чтобъ они уже не безпокоились. И какъ же панъ директоръ радъ! Онъ сказалъ мнѣ, чтобъ я заразъ до пана инспектора бѣжалъ и чтобъ панъ инспекторъ пожаловалъ къ нему.

Сказавши это, еврей вторично исчезъ отъ меня, а чрезъ нѣсколько времени, вбѣжавъ въ попыхахъ ко мнѣ, снова повторилъ тоже желаніе директора, и прибавилъ:

— Только чтобы заразъ. Поскорѣе, сказалъ панъ директоръ.

Ого! подумалъ я. Это повторенное желаніе уже походитъ на приказаніе; видно, здѣсь не дремлютъ, дѣлая дѣла.

Одѣвшись въ форменную одежду харьковскаго учебнаго округа, я явился къ Ѳ. Я. Телешеву. Первая встрѣча была далеко не привѣтливая. Окинувъ меня холоднымъ начальническимъ взглядомъ, директоръ сухо проговорилъ:

— Что же это вы облеклись въ форму того округа, къ которому мы уже не принадлежимъ?

Я старался оправдать себя краткостію времени, незнаніемъ самой формы. Вмѣсто снисхожденія на меня посыпались укоризны.

— Вотъ и вы, продолжалъ директоръ, какъ и другіе русскіе чиновники, не сочли долгомъ прибыть въ Каменецъ къ 1-му генваря. Вѣдь въ этотъ день назначено было да и послѣдовало открытіе гимназіи?—Ахъ, сколько труда и заботъ, присовокупилъ онъ, сколько безпокойства и страданій пришлось мнѣ одному перенести при этомъ торжествѣ!

Я объяснилъ директору причину моего медленнаго, совершенно отъ меня не зависѣвшаго, прибытія къ моей должности,—даже показалъ ему свидѣтельство, подписанное 6-го генваря директоромъ новгородсѣверской гимназіи, на свободный проѣздъ мой до Каменца. Однако и очевидныя доказательства моей невинности не убѣдили его.

Мое положеніе становилось несноснымъ, и я недоумѣвалъ уже, чего мнѣ дальше ждать. Но вдругъ директоръ, откинувъ строгій тонъ начальника, съ необыкновеннымъ добродушіемъ самъ повелъ меня на казенную квартиру, объ устройствѣ которой онъ еще гораздо прежде прибытія моего много заботился. Это добродушіе и усердіе его примирили меня съ нимъ, и я поспѣшилъ изъявить ему за то душевную мою благодарность.

Того-же дня явился я къ г. гражданскому губернатору, Ѳ. П. Лубяновскому и архіепископу Кириллу. Оба они приняли меня благосклонно. Надобно присовокупить, что попечитель округа, Филатьевъ, писалъ къ нимъ о насъ еще прежде, поручая насъ ихъ благосклонному вниманію, и просилъ не оставлять

насъ, буде нужно, своимъ покровительствомъ и руководствомъ. Потомъ посѣтилъ я также латинскаго бискупа Мацкевича и губернскаго дворянскаго предводителя, графа Пржездзѣцкаго.

На другой день я вступилъ въ исправленіе моей должности.

Изъ русскихъ чиновниковъ въ гимназіи были: директоръ Телешевъ, инспекторъ я, законоучитель православнаго вѣроисповѣданія протоіерей Гогоцкій, учителями: русской словесности Китченко, латинскаго языка Красковскій, русскаго языка и географіи Науменко и рисованія Булатовъ. Прочіе же преподаватели, именно: законоучитель латинскаго вѣроисповѣданія каноникъ Гловацкій, исторіи Паевскій, математики Ивановскій, латинскаго языка Стычинскій, нѣмецкаго Свирскій и французскаго Дюренъ, были туземцы. Слѣдовательно при воспитаніи юношества въ Каменцѣ, мы должны были идти къ цѣли ощупью, потому что почти половина чиновниковъ были туземцы, слабо знавшіе русскій языкъ и притомъ долгое время служившіе въ училищахъ прежняго порядка.

Учебныя пособія гимназіи составились изъ учебныхъ пособій, принадлежавшихъ бывшему каменецъ-подольскому училищу и дублетовъ училищъ въ Барѣ, Меджибожѣ и Немировѣ.

На первый разъ въ гимназіи открыто только четыре класса; учениковъ поступило 70 человѣкъ, изъ которыхъ едва пятую долю составляли православные, а прочіе были католики. Эти послѣдніе происхожденіемъ были изъ бѣднѣйшей шляхты. Отцы ихъ служили лакеями, дворниками, поварами; иные принадлежали къ ремесленному сословію.

Скоро я замѣтилъ, что дѣти воспріимчивы къ наукамъ, довольно развиты и находчивы въ отвѣтахъ; но внѣ классовъ они ужасные шалуны и способны на разныя продѣлки, которыя подмѣтили вѣроятно или у своихъ родителей, или у евреевъ. По этому, и въ классахъ и въ квартирахъ, съ великимъ терпѣніемъ пріучая ихъ къ правдѣ и благороднымъ поступкамъ, я старался всѣми мѣрами уничтожить въ нихъ ложь, воровство и вражду къ евреямъ, отъ которыхъ ежедневно получалъ нѣ-

сколько жалобъ о томъ, что они, ученики, или бьютъ стекла въ домахъ, или обижаютъ малолѣтнихъ евреевъ. Сперва употреблялъ я для того выговоры, лишенія мѣста въ классѣ, аресты; когда-жъ эти мѣры не были достаточны и не унимали учениковъ отъ своевольствъ, то въ такихъ крайнихъ случаяхъ употреблялъ и розги. Впрочемъ, послѣдней мѣры я всячески старался избѣгать, будучи всегда убѣжденъ, что нравственное внушеніе полезнѣе, прочнѣе. Кто-то еще до прибытія нашего въ Каменецъ оповѣстилъ туземцевъ, что мы варвары, тираны, и эта новость была причиною того, что во вновь открытую гимназію вошла ватага воспитанниксвъ только изъ самаго низшаго сословія, родители же другихъ сословій присматривались къ намъ, забирали справки о нашихъ дѣйствіяхъ, дабы потомъ рѣшиться на что-нибудь. Такъ какъ дѣти, по прежней привычкѣ, собирались въ классъ очень рано, за часъ и болѣе предъ начатіемъ ученія, то я въ помощь моимъ товарищамъ употреблялъ этотъ ихъ досугъ къ тому, чтобъ пріучить ихъ къ правильному выговору словъ и свободному объясненію по-русски. Для того собиралъ ихъ въ общую залу и велѣлъ имъ, по очереди, разсказывать по-русски или свои уроки, или свои обыкновенныя происшествія, свободно, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ. Ошибки въ произношеніи словъ и въ выраженіяхъ мыслей немедленно были мною исправляемы. Такимъ образомъ, отъ совокупныхъ усилій русскихъ чиновниковъ дѣти въ самое короткое время оказали быстрые успѣхи въ практическомъ знаніи русскаго языка и объяснялись на немъ довольно свободно, а отъ успѣховъ въ языкѣ стали замѣтнѣе и успѣхи ихъ въ наукахъ. Надобно замѣтить, что директоръ еще до пріѣзда моего уничтожилъ обычай ежедневно водить дѣтей въ костелъ, считая эту мѣру излишнею, и не ввелъ общихъ квартиръ, по той причинѣ, что всѣ почти воспитанники состояли изъ дѣтей городскихъ жителей. Слѣдовательно, мой надзоръ за учащимися, живущими въ домахъ родителей, или родственниковъ, былъ очень затруднителенъ.

Среди неусыпныхъ нашихъ трудовъ и заботъ о надлежащемъ стройномъ ходѣ гимназіи насъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ попечитель кіевскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Егоръ Ѳедоровичъ фонъ-Брадке. Его превосходительство прибылъ къ намъ съ тѣмъ, чтобы ознакомиться съ гимназіею въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ, для будущихъ своихъ намѣреній и дѣйствій. При этомъ онъ снабдилъ насъ многими словесными дозволеніями и наставленіями въ святомъ дѣлѣ воспитанія юношества. Мы прежде работали въ этомъ дѣлѣ ощупью, подъ собственною отвѣтственностію; но руководство главнаго начальства развязало намъ руки и указало широкую дорогу къ достиженію цѣли, и мы дѣйствовали уже, не страшась никакихъ порицаній и препонъ.

При всей нашей добросовѣстности въ исполненіи обязанностей, мы однако подмѣтили, что за нами былъ надзоръ отъ уволенныхъ въ заштатъ учителей бывшихъ школъ, и надзоръ пристрастный. Они получали отъ дѣтей свѣдѣнія о нашихъ дѣйствіяхъ и эти свѣдѣнія, конечно не вѣрныя, искаженныя, передавали въ публику въ самомъ искаженномъ, превратномъ видѣ. Въ отвѣтъ на ихъ лживыя слова и клеветы мы противопоставили имъ волю высшей власти, нашъ трудъ и болѣе чѣмъ точность, добросовѣстность и усердіе въ исполненіи нашихъ обязанностей. Правда наша затмила, уничтожила всѣ ихъ ухищренія; благопріятное мнѣніе общества осталось за нами. До 1-го мая дѣти оказали необыкновенные успѣхи и въ наукахъ, и въ русскомъ языкѣ.

И такъ, за нами осталось только устройство общихъ квартиръ; но эту мѣру мы рѣшились привести въ исполненіе лишь послѣ вакацій, когда ознакомимся лучше и съ обывателями города, и съ удобствомъ квартиръ, для помѣщенія въ нихъ учениковъ.

Въ теченіи этого времени я познакомился съ Каменцомъ, и считаю нужнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ, какъ о нынѣшнемъ его состояніи, такъ и о прежней его жизни.

Каменецъ Подольскій построенъ на скалѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ р. Смотричь. Надъ этою скалою господствуютъ кругомъ другія каменныя горы, такъ что Смотричь течетъ по узкой долинѣ, огражденной съ обѣихъ сторонъ отвѣсными скалами; омывая такимъ образомъ городъ вокругъ, рѣка течетъ въ сосѣдствѣ этихъ скалъ по извилистой долинѣ дальше и впадаетъ въ Днѣстръ. Въѣздъ въ Каменецъ съ сѣверной стороны крутъ и очень труденъ, а съ южной, со стороны не большой крѣпости, по здѣшнему фортецы, облегченъ высокимъ мостомъ, сдѣланнымъ изъ кирпича. Этотъ мостъ построенъ королемъ польскимъ Баторіемъ для соединенія города съ замкомъ; но его называютъ почему-то турецкимъ мостомъ.

Изъ публичныхъ зданій въ Каменцѣ примѣчательны: православная и латинская каѳедры, кармелитскій, доминиканскій, армянскій и тринитарскій костелы, присутственныя мѣста, губернаторскій домъ, семинарія и ратуша. Четвероугольная площадь, которой фасы застроены огромными частными домами въ нѣсколько ярусовъ, можетъ украсить любой городокъ. Въ прочихъ частяхъ города дома незначительны, улицы узки, извилисты, какъ это обыкновенно бываетъ во всѣхъ старыхъ городахъ, населенныхъ въ большинствѣ евреями, но вымощены дикимъ камнемъ и содержатся въ отличной чистотѣ. Воздухъ въ городѣ спертъ и удушливъ какъ отъ многолюдства жителей на маломъ пространствѣ, такъ отъ тѣсноты улицъ и самаго положенія города въ углубленіи.

Къ городу принадлежатъ еще три фольварка, или предмѣстія: польскій, русскій и Карвасары.

Число жителей считалось въ мое время до 16 тысячь, изъ которыхъ едва третью часть составляли христіане, а двѣ трети—евреи. Вся внутренняя торговля въ рукахъ евреевъ. Для оживленія мелкой торговли они выдумали бумажныя деньги, цѣною въ 1, 2, 3 и 5 грошей; это четвероугольныя картонныя карточки, на которыхъ напечатано еврейскими буквами достоинство этихъ оригинальныхъ монетъ. Изъ русскихъ купцовъ торгуетъ здѣсь только одинъ домъ и торгуетъ, кажется, вы-

годно. Всякій день на базарной площади производится довольно значительный торгъ съѣстными припасами, кромѣ субботы; въ этотъ день трудно достать самое необходимое для стола.

Въ Каменцѣ много трактировъ, откуда холостые люди получаютъ кушанья—гораздо выгоднѣе и дешевле, такъ что не стоитъ обзаводиться въ домѣ кухней. Здѣсь также можно дешево купить хорошія сукна, шелковыя матеріи, голландскіе холсты; все это евреи получаютъ изъ Галиціи, откуда они пробираются путемъ, имъ однимъ извѣстнымъ. Полиція слаба унять эти незаконныя ухищренія, или вслѣдствіе малыхъ средствъ, или вслѣдствіе своекорыстія....

Каменецъ Подольскій, по мѣстоположенію своему, кажется, издревле предназначенъ охранять плодоносныя равнины Подоліи отъ вторженія народовъ, живущихъ грабежемъ. Геродотъ повѣствуетъ, что въ этихъ мѣстахъ живали скиѳы—хлѣбопашцы. Татары, овладѣвъ Червоною Русью, покорили всю Подолію, вмѣстѣ съ Каменцомъ; князь Гедиминъ въ 1321 году отторгнулъ этотъ городъ и присоединилъ его къ Литвѣ. Съ тѣхъ поръ Каменецъ былъ яблокомъ раздора между Польшею и Литвою; каждая изъ нихъ добивалась власти надъ этою твердынею, охранявшею прелестную Подолію. Во время этой борьбы, порою врывались въ Подолію татары и валахскіе господари, брали въ плѣнъ жителей ея и громили Каменецъ. Такія притѣсненія терпѣлъ этотъ городъ до самого царствованія короля польскаго Сигизмунда Августа, который въ 1569 году присоединилъ на всегда Каменецъ и Подолію къ своей коронѣ. Поляки, приглашая на престолъ Владислава IV, между многими условіями обязали его укрѣпить Каменецъ новыми окопами. Султанъ турецкій, въ 1633 году, не взирая на многочисленную рать свою, былъ разбитъ одинадцатью тысячами поляковъ подъ самымъ Каменцомъ и тѣмъ на долго лишился охоты дѣлать набѣги на Подолію.

Притѣсненія, которыя дѣлали поляки малороссійскимъ козакамъ, подвинули послѣднихъ на защиту своей независимости. Вслѣдствіе того Богданъ Хмельницкій старался, въ 1649 году, для опоры своихъ военныхъ дѣйствій овладѣть Камен-

цомъ, но упорная защита тогдашняго коменданта, Петра Потоцкаго, все мѣсячное усиліе Хмельницкаго сдѣлала тщетнымъ. Онъ вторично осадилъ этотъ городъ въ іюлѣ 1652 года, чтобы обезпечить себя на случай борьбы съ молдавскимъ господаремъ, отъ котораго требовалъ дочери въ супружество своему сыну, Тимоѳею. Янъ Казиміръ, король польскій, поспѣшилъ на защиту Каменца; но, окруженный козаками подъ Жванцемъ, лежащемъ на Днѣстрѣ въ 18 верстахъ отъ Каменца, принужденъ былъ заключить постыдный миръ, которымъ обезпечивалась независимость козаковъ. Въ это время турки и татары, союзники Хмельницкаго, свирѣпствовали въ Подоліи и уводили жителей ея въ неволю. Магометъ IV взялъ обратно Каменецъ отъ Польши; жителямъ велѣлъ выйти изъ города, а взамѣнъ ихъ помѣстилъ въ немъ гарнизонъ; храмы латинскіе превратилъ въ въ мечети. Минаретъ, нынѣ существующій возлѣ латинской каѳедры, есть памятникъ его владычества. Разсказывали старики, что въ это время онъ до того издѣвался надъ христіанскою религіею, что улицы мостилъ св. иконами. Это я потомъ прочиталъ и въ исторіи. Наконецъ вся Подолія поступила во власть турокъ по Бучачскому миру, заключенному ими съ поляками 18-го октября 1672 года. Событіе это ускорило смерть короля Михаила Вишневецкаго. Тщетно освободитель Вѣны, Іоаннъ Собѣскій, старался вырвать Каменецъ изъ рукъ турокъ. Ни побѣды его, одержанныя надъ ними подъ стѣнами Хотина и Львова, ни угрозы вѣнскаго двора и римскаго папы не могли поколебать могущества турокъ въ Подоліи. Эти послѣдніе, подобно лютымъ звѣрямъ, свирѣпствовали въ окрестностяхъ Каменца, расхищали у подолянъ имущесгво, женъ и дѣтей, которыхъ скрывали на неприступныхъ скалахъ Каменца. Дабы унять турокъ отъ набѣговъ, Андрей Потоцкій велъ съ ними въ окрестностяхъ Каменца кровопролитную войну. Къ нему прибылъ на помощь съ дружиною сынъ Собѣскаго, Іаковъ. Совокупными силами напали они на турецкій гарнизонъ, запертый въ этомъ городѣ, но были отражены. Іаковъ, увидѣвъ, что гарнизонъ изобильно снабженъ военными и съѣстными припасами и замѣтивъ вражду и

несогласіе между коронными гетманами, снялъ осаду съ Каменца и возвратился съ войсками своими въ Варшаву. Огорченный этою неудачею, Собѣскій-отецъ, нанявъ войско на свой счетъ, рѣшился напасть въ расплохъ на Каменецъ и вырвать его изъ рукъ турокъ; но это предпріятіе также не удалось ему. Курфирстъ саксонскій, Августъ, при вступленіи на польскій престолъ обязался Посполитой Рѣчи своимъ иждевеніемъ покорить Каменецъ польской коронѣ. Для того онъ послалъ къ этому городу 20 тысячь саксонцевъ въ помощь польскому войску. Но усиленный татарами гарнизонъ упорно защищался. Войска, простоявъ долтое время въ окрестности Каменца, возвратились въ Польшу безъ успѣха и съ потерею въ людяхъ.

Князь Алексѣй Михайловичъ Голицынъ, въ 1769 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, подступалъ къ Каменцу и бомбадировалъ замокъ. Ядра и бомбы и до сихъ поръ торчатъ въ стѣнахъ замка. Но, оставивъ при немъ сильный отрядъ для блокады, онъ переправилъ свой обозъ и артилерію на канатахъ чрезъ горы и приступилъ 15 апрѣля къ Днѣстру противъ крѣпости Хотина. Въ дѣйствіяхъ Голицына противъ Хотина каменецкій гарнизонъ много вредилъ съ тылу. Вслѣдствіе этого князь приказалъ своей арміи отодвинуться отъ Днѣстра и когда турки погнались за ней, то онъ напалъ на нихъ 10 сентября и совершенно ихъ разбилъ. Каменецкій гарнизонъ, устрашенный этою побѣдою, оставилъ городъ, разсѣялся по лѣсамъ и погибалъ въ волнахъ Днѣстра, который въ это время былъ въ полномъ разливѣ. Тогда князь легко завладѣлъ Каменцомъ.

Наконецъ Каменецъ поступилъ во власть Россіи навсегда, по ясскому миру, заключенному въ 1791 году 26 декабря между Россіею и Портою Съ тѣхъ поръ Россія владѣетъ спокойно симъ отъ природы крѣпкимъ городомъ

Вотъ краткій очеркъ исторической жизни сего города; но начало основанія его, какъ обыкновенно выражаются, покрыто мракомъ неизвѣстности.

Кстати означу здѣсь, какія учебныя заведенія вошли въ составъ кіевскаго учебнаго округа. Это: 1) высшая нѣжинская

гимназія, что нынѣ лицей князя Безбородка, 2) кіевская гимназія съ подольскимъ уѣзднымъ училищемъ, 3) подольская гимназія съ каменецкимъ приходскимъ училищемъ, 4) винницкая гимназія съ винницкимъ приходскимъ училищемъ, 5) волынская гимназія въ Житомірѣ съ житомірскимъ приходскимъ училищемъ, 6) луцкая гимназія съ луцкимъ приходскимъ училищемъ, 7) черниговская гимназія съ 16 уѣздными и 16 приходскими училищами, 8) новгородсѣверская гимназія съ уѣзднымъ и приходскимъ училищемъ и 9) полтавская гимназія съ 15 уѣздными и 15 приходскими училищами.

25 мая получилъ я отъ г. попечителя округа пакетъ на мое имя, съ надписью «по секрету». Такъ какъ этому секрету прошло уже много лѣтъ, при томъ этотъ секретъ уже приведенъ въ исполненіе, о немъ знаютъ уже почти всѣ волынскіе помѣщики и теперь онъ попалъ уже въ разрядъ давнихъ историческихъ событій по кіевскому учебному вѣдомству, то я имѣю полное право сдѣлать его явнымъ.

Г. фонъ Брадке предписалъ мнѣ, по пріѣздѣ въ Каменецъ профессора кременецкаго лицея, А. Н. Мицкевича, сдѣлать съ нимъ совѣщаніе о томъ: 1) какъ удобнѣе и скорѣе осмотрѣть на мѣстахъ приходскія училища, закрытыя во время послѣднихъ польскихъ смутъ, сперва въ волынской, потомъ въ подольской и кіевской губерніяхъ, для чего данъ намъ подробный списокъ этихъ училищъ; 2) войти въ сношенія съ гг. фундаторами сихъ училищъ о приведеніи въ надлежащій порядокъ домовъ, въ которыхъ они помѣщались прежде, для открытія ихъ вновь; 3) совершить съ фундаторами законныя сдѣлки или объ отпускѣ денегъ, или объ отводѣ земель, для содержанія училищъ, на основаніи данныхъ ими обязательствъ; 4) привести въ извѣстность училищныя недоимки, которыя произошли отъ несвоевременной уплаты слѣдуемыхъ отъ фундаторовъ денегъ на содержаніе училищъ, а также самые капиталы или фундуши на устройство и содержаніе училищъ, гдѣ таковыя еще не были открыты, и эту послѣднюю сумму обеспечить на свободномъ имѣніи фундаторовъ; 5) избрать мѣста, гдѣ-бы можно было

устроить училища для уніатовъ, въ тѣхъ мѣстахъ, конечно, гдѣ они живутъ въ значительномъ числѣ; 6) сдѣлать испытаніе тѣмъ учителямъ закрытыхъ школъ, которые пожелаютъ служить, и если окажутся способными, то сдѣлать о таковыхъ представленіе на благоусмотрѣніе его превосходительства. Въ этомъ предписаніи вмѣнялось мнѣ, какъ русскому, въ особенную обязанность заняться означенными дѣлами внимательно, съ патріотическимъ усердіемъ, и дозволялось отдѣльно, по секрету, представлять попечителю замѣтки о важныхъ событіяхъ, которыя могутъ случиться при мѣстныхъ нашихъ дѣйствіяхъ. Самый проэктъ попечителя объ открытіи приходскихъ училищъ, какъ сказано было въ предписаніи, первоначально одобренъ г. министромъ просвѣщенія и потомъ высочайше утвержденъ государемъ императоромъ.

Въ присланномъ мнѣ пакетѣ приложены были также открытые листы отъ кіевскаго, волынскаго и подольскаго генералъ-губернатора графа Левашова и отъ латинскихъ бискуповъ: Мацкевича и Пивницкаго, для содѣйствія намъ, буде нужно, отъ гражданскихъ чиновниковъ и латинскаго духовенства.

Скоро потомъ, а именно 7 іюня, прибылъ ко мнѣ въ Каменецъ Мицкевичъ. При первомъ-же нашемъ свиданіи, мы очень скоро и единодушно покончили наши совѣщанія и намѣренія по исполненію возложеннаго на насъ порученія, и именно слѣдующимъ образомъ: такъ какъ обстоятельства сего обширнаго и важнаго дѣла намъ обоимъ совершенно неизвѣстны, то слѣдуетъ намъ, не мѣшкая, отправиться въ Кремеиецъ, чтобы тамъ посовѣтоваться съ чиновниками, служившими въ эдукаціонной коммиссіи, а потомъ уже приступить къ исполненію высочайшей воли.

При этомъ считаю приличнымъ замѣтить, что профессоръ Мицкевичъ есть родной братъ знаменитаго польскаго поэта; воспитывался онъ въ виленскомъ университетѣ, гдѣ получилъ ученую степень магистра по юридическому факультету; знаетъ основательно латинскій, нѣмецкій, французскій, русскій и польскій языки и въ дополненіе обладаетъ благороднѣйшею душею.

Эти качества души его и я извѣдалъ въ затрудненіяхъ и недугахъ моихъ, во время совмѣстнаго нашего путешествія по Волыни, и въ послѣдующіе годы. Его теплое, родственное участіе проявилось потомъ и на моемъ сынѣ, который, подъ его руководствомъ, воспитывался въ харьковскомъ университѣ. Эта память сердца моего да будетъ хотя слабою данью моей душевной къ нему благодарности!

Поѣздка въ Кременецъ.

И такъ, вслѣдствіе нашихъ совѣщаній, Мицкевичъ и я, 9 іюня, въ 11 часовъ вечера, оставили Каменецъ-Подольскій. Не скрою при этомъ моего наслажденія: мнѣ въ первый разъ въ жизни моей довелось путешествовать въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ мѣсяцѣ, столь роскошномъ растительностію и благорастворенiемъ воздуха, въ мѣсяцѣ столь трудномъ, тяжеломъ какъ для воспитателей, такъ и для воспитанниковъ. Какъ легко, пріятно подышать ароматнымъ, свѣжимъ воздухомъ послѣ спертой, зловонной каменецкой атмосферы! Всю ночь на пролетъ, безъ устали, мы проскакали на почтовыхъ лошадяхъ и уже въ Проскуровѣ рѣшились нѣсколько отдохнуть и согрѣться чаемъ отъ прохладнаго утра.

Верстахъ въ пяти отъ станціи Западинцы, предъ нами открылась обширная, прелестная равнина, а въ срединѣ оной Старый-Константиновъ, орошаемый р. Стрый и принадлежащій графамъ Ржевускимъ. Въ Старомъ-Константиновѣ намъ разсказали, что когда-то на этой равнинѣ императоръ Александръ Благословенный дѣлалъ смотръ войскамъ своимъ и принялъ милостиво отъ графовъ Ржевускихъ великолѣпный балъ, сдѣланный для него и его сподвижниковъ. Въ Каменцѣ я часто встрѣчался съ графинею Ржевускою, гдѣ она проживала на наемной квартирѣ, скромно, довольствуясь достаточнымъ количествомъ денегъ, назначенныхъ ей отъ правительства; а имѣніе графовъ Ржевускихъ секвестровано по причинѣ сильнаго участія владѣльцевъ онаго въ эпоху послѣднихъ смутъ въ Царствѣ Польскомъ.

Въ Заславль мы пріѣхали въ сумерки. Этотъ городъ принадлежитъ князьямъ Сангушкамъ, которые устроили въ немъ суконную фабрику и каретный заводъ, очень извѣстные въ тѣхъ мѣстахъ по отличной добротѣ предметовъ, на нихъ выдѣлывающихся. Туть случилось съ нами маленькое произшествіе, нѣсколько насъ побезпокоившее. На станціи дали намъ порядочныхъ лошадей; но ямщику захотѣлось везти насъ медленно, почти шагомъ, подъ предлогомъ песчаной дороги и будто слабости лошадей. Товарищъ мой, истощивъ всѣ мѣры понужденія, рѣшился наконецъ погрозить ему палкою. Ямщикъ, не дождавши еще исполненія этой угрозы, быстро спрыгнулъ съ козелъ экипажа и скрылся въ лѣсу. И такъ, мы остались въ лѣсу безъ кучера и въ темную ночь! Что оставалось намъ дѣлать? Не сидѣть же цѣлую ночь въ лѣсу напрасно, безъ всякой цѣли! Мицкевичь приказалъ своему человѣку сѣсть на козлы и гнать лошадей до слѣдующей станціи, до которой еще считалось 8 верстъ. Боже мой! какъ вполошили мы станціоннаго смотрителя, когда пріѣхали къ станціи безъ ямщика! Но чрезъ часъ явился и самъ ямщикъ, начались слѣдствіе, разборы, очныя ставки; изъ нихъ станціонный смотритель убѣдился, что самъ бѣглецъ очень не правъ.

Съ чувствомъ благоговѣйнымъ я приближался къ Острогу, городу, гдѣ во время уніи православіе долго боролось съ фанатизмомъ латинскаго духовенства, къ отчизнѣ князя Острожскаго, который такъ успѣшно поддерживалъ православіе и такъ справедливо заслужилъ титулъ святаго[1]). Славная рѣка Горынь орошаетъ и украшаетъ этотъ городъ. Въ немъ существуютъ развалины бывшихъ огромныхъ зданій, гдѣ когда-то живали православные епископы, гдѣ существовала во время уніи знаменитая типографія для церковныхъ книгъ, которыя ревнители

---

[1]) Авторъ очевидно смѣшиваетъ преподобнаго Ѳедора князя Острожскаго († 1438 г.), котораго мощи почиваютъ въ Дальнихъ пещерахъ кіевской лавры, и князя Василія-Константина Острожскаго († 1608 г.), жившаго въ періодъ люблинской и брестской уніи и извѣстнаго горячею защитою православія и вообще широкою просвѣтительною и благотворительною дѣятельностью въ пользу онаго. *Ред*

православія разсылали во множествѣ по Червонной Руси. Пожаръ, случившійся въ 1820 году, привелъ эти зданія въ ужасное разрушеніе. Вслѣдствіе того, владѣлецъ Острога, князь Яблоновскій, помѣстилъ и волынскаго пастыря, и волынскую семинарію въ Аннополѣ, отдавъ для этой цѣли и свой домъ, и всѣ свои экономическія постройки.

Солнце склонялось къ западу, вдалекѣ забѣлѣли зданія города Дубно. Онъ принадлежитъ князьямъ Любомірскимъ и до полѣднихъ смутъ славился контрактами, на которые стекались многіе помѣщики и повеселиться, и для совершенія торговыхъ сдѣлокъ. Въ Дубнѣ недавно учрежденъ складъ воинскихъ потребностей. Здѣшній костелъ величественъ и прелестенъ.

Вотъ королевскій мостъ чрезъ рѣку Икву, возлѣ котораго мятежный Дверницкій стоялъ лагеремъ, угрожая Кременцу! Уже и горы кременецкія болѣе и болѣе возвышались по мѣрѣ нашего къ нимъ приближенія! Вотъ и узкій проходъ, или, лучше сказать, ущелье въ трущобу, огражденную высокими, почти отвѣсными скалами, въ которой солнце восходитъ двумя часами позже и заходитъ двумя часами ранѣе! Въ этой-то трущобѣ построенъ Кременецъ, который во время существованія лицея слылъ на Волыни Аѳинами.

Кременецъ.

Въ Кременцѣ мы застали попечителя учебнаго округа, прибывшаго сюда, чтобы разобрать споры и жалобы, возникшіе между лицеальнымъ вѣдомствомъ и посессоромъ лицеальныхъ недвижимыхъ имуществъ, и вмѣстѣ распорядиться перемѣщеніемъ лицея въ Кіевъ, которое должно было исполниться непремѣнно къ 25 іюля.

Явясь къ его превосходительству, мы сознались ему искренно, что не знаемъ, какъ приступить къ исполненію обширнаго дѣла, намъ порученнаго, и что по этой причинѣ мы рѣшились пріѣхать въ Кременецъ, чтобъ посовѣтоваться о томъ съ знающими и опытными людьми и запастись потребными актами. Мѣру эту попечитель вполнѣ одобрилъ и при томъ совѣтовалъ

намъ, согласно съ мнѣніемъ Бокщанина, управляющаго лицеемъ, посѣтить помѣщиковъ Подгородинскаго и Борейку, которые долгое время была членами эдукаціонной коммиссіи и неоднократно визитировали приходскія училища въ западныхъ провинціяхъ, а потому могли дать намъ опытное руководство къ полезному исполненію даннаго намъ порученія. Прощаясь съ нами, его превосходительство приказалъ, чтобы мы явились въ Кіевъ непремѣнно къ 25 іюлю и обрадовали его основательными свѣдѣніями, по крайней мѣрѣ о тѣхъ училищахъ, которыя встрѣтятся намъ по пути къ Кіеву. Потомъ, отведя меня въ сторону, сказалъ тихо:

— На васъ надѣюсь, г. Сбитневъ. Вы русскій, вы понимаете важность этого щекотливаго дѣла. Будьте-же расторопны, осторожны; дѣлайте уступки, снисхожденія, только-бы сохранить эти фонды. Я не забуду вашего труда. Желаю вамъ успѣха.

И тотчасъ-же уѣхалъ въ Кіевъ.

И такъ, мы обратились за совѣтомъ къ правителю дѣлъ эдукаціонной коммиссіи, Казачинскому, который, сверхъ того, снабдилъ насъ спискомъ приходскихъ училищъ, съ перечнемъ о каждомъ порознь, сколько каждое училище получаетъ доходовъ для своего содержанія и сколько на каждомъ фундаторѣ училища считается недоимки. Эти свѣдѣнія намъ показались поверхностными и притомъ составленными еще прежде, до закрытія училищъ, слѣдовательно въ это время уже не вѣрными.

— А чтобы вамъ имѣть подробныя свѣдѣнія объ этихъ училищахъ, добавилъ правитель, такъ извольте вамъ дѣла.

Сказавъ это, онъ раскрылъ шкафъ, награможденный связками бумагъ въ такомъ количествѣ, что трудно было-бы помѣстить ихъ и въ ломовую телѣгу.

— Здѣсь вы найдете, продолжалъ онъ, подлинныя обязательства фундаторовъ, всѣ расчеты о фундушахъ и всю переписку о каждой парафіальной школѣ порознь.

Нечего дѣлать! Мы занялись прочетомъ дѣлъ и составленіемъ выписокъ, въ родѣ докладныхъ записокъ, о такихъ училищахъ, которыя намъ должны встрѣтиться на пути къ Кіеву,

и сверхъ того о тѣхъ школахъ, которыя находятся за Кременцомъ, на границѣ Галиціи. Не стать же намъ возиться на дорогѣ съ громадною кучею бумагъ!...

Мы помѣстились на квартирѣ у профессора древней словесности Якубовича, человѣка ученаго, добраго и гостепріимнаго. Къ нему почти каждый день собирались его товарищи по лицею; оставаясь безъ всякихъ служебныхъ обязанностей, они любили потолковать о наукѣ и былomъ, и о томъ, о семъ. Время, проведенное съ ними въ часы моего досуга, я всегда буду вспоминать съ полнымъ удовольствіемъ и благодарностію. Профессоръ физики Абламовичъ, долгое время путешествовавшій по Европѣ на счетъ виленскаго университета, разсказывалъ намъ, какъ очевидецъ, про революцію, бывшую въ Парижѣ 1830 года, про тамошніе физическіе кабинеты, также о шагѣ, который въ новѣйшее время сдѣлала любимая имъ наука; не однократно водилъ насъ въ лицеальный физическій кабинетъ, гдѣ для сюрприза дѣлалъ намъ многіе эксперименты. Въ этомъ кабинетѣ число предметовъ удовлетворительно и соотвѣтствуетъ настоящему состоянію науки. Профессоръ химіи Зѣновичъ, теплый любитель своего предмета, въ дружескихъ бесѣдахъ нашихъ развивалъ намъ быстрые успѣхи этой науки, часто съ жаромъ увлекался въ область системъ и новыхъ гипотезъ, которыя легко и удовлетворительно, по его мнѣнію, объясняютъ многія физическія явленія въ природѣ. Онъ-то неоднократно повторялъ намъ свое убѣжденіе, что кременецкія горы, идущія къ Дубну, произошли чрезъ посредство вулканическихъ силъ и образовали провалъ, въ которомъ построенъ Кременецъ, и что этотъ провалъ можетъ быть засыпанъ упомянутою цѣпью горъ наравнѣ съ горою королевы Боны, такъ что отъ нихъ ни пылинки не останется, съ прибавкою къ тому кучи камней, находящихся при въѣздѣ въ Кременецъ. Говорятъ, что онъ для вѣрности своего предположенія измѣрилъ и высоту и цѣпь горъ, простирающихся на нѣсколько верстъ.... Профессора математики Гречина и Вижевскій сообщали намъ о новыхъ пріемахъ и открытіяхъ, сдѣланныхъ ими и другими математиками въ анализѣ,

которые усовершенствовали теорію этой важной отрасли наукъ. Бесѣды эти были и по вечерамъ, во время чая, и по очереднымъ обѣдамъ. Къ намъ иногда присоединялись отставные профессора, уже давно выслужившіе эмеритуру, т. е. пенсіонъ, сохранивъ и прежній свой костюмъ, и свои длинные волоса, разсыпавшіеся по плечамъ, и свою степенную важность, и свою трость. Бесѣда съ ними была также поучительна въ ученомъ, педагогическомъ и психологическомъ отношеніи. Для освѣженія отъ нестерпимаго жару иногда мы всѣ вмѣстѣ ходили купаться въ тинистой рѣкѣ Иквѣ, текущей мимо Кременца на полутораверстномъ отъ него разстояніи. Порою, по утрамъ, обозрѣвали мы лицеальную библіотеку, богатую числомъ книгъ, библіотеку, составленную разными образами бывшимъ генеральнымъ визитаторомъ Ѳаддеемъ Чацкимъ. Въ этой библіотекѣ хранится бронзовый бюстъ и сердце Чацкаго...

Тадеушъ Чацкій.

Чтобъ имѣть свѣдѣнія объ основаніи и развитіи учебныхъ заведеній въ кіевской, волынской и подольской губерніяхъ, нужнымъ считаю предложить здѣсь краткое описаніе жизни Чацкаго. Свѣдѣнія о немъ я собралъ изъ актовъ эдукаціонной коммисіи, разсказовъ отставныхъ профессоровъ, живущихъ въ Кременцѣ и знавшихъ его лично, и занисокъ бывшаго латинскаго законоучителя Оссинскаго.

Тайный совѣтникъ и кавалеръ Бѣлаго Орла и св. Станислава 1-й степени, Тадеушъ Чацкій родился 28 іюля 1765 года, въ мѣстечкѣ Порыцкѣ, волынской губерніи, владимірскаго уѣзда. Съ первыхъ дней своего дѣтства онъ испытывалъ горести сиротства. Отецъ его, коронный подчашій Феликсъ, содержался въ Бродахъ подъ стражею за политическія мнѣнія свои, а мать отъ душевной скорби умерла. Въ этихъ несчастныхъ для него обстоятельствахъ, дядя увезъ его, вмѣстѣ съ братомъ, въ Данцигъ, гдѣ пробылъ съ ними около 4½ лѣтъ. Когда снята была опала съ отца его и дозволено было ему возвратиться въ свою вотчину, Порыцкъ, тогда и дѣти его соединились съ нимъ.

Іезуитъ Фаустъ Гродзицкій обучалъ Тадеуша латинскому языку и геометріи, а для нѣмецкаго языка избранъ былъ гувернеромъ Мартынъ Вармипчикъ. Юный Чацкій успѣвалъ въ преподаваемыхъ ему предметахъ чрезвычайно быстро, читалъ прилежно латинскихъ классиковъ, помнилъ основательно и подробно все то, что прочиталъ, и сильно напитался духомъ и обычаями римлянъ. Онъ уклонялся отъ забавъ и рѣзвостей, свойственныхъ юношеству, былъ послушенъ къ старикамъ, тихъ и скроменъ. Получаемыя на свои дѣтскіе расходы карманныя деньги употреблялъ онъ благоразумно не по лѣтамъ, а именно: онъ отдавалъ ихъ учителю за обученіе сиротъ чтенію, письму и Закону Божію. Для этой цѣли онъ выпросилъ у отца своего домикъ въ Порыцкѣ, помѣстилъ въ немъ школу и учителя и содержалъ ихъ на своемъ иждивеніи. Эта школа, въ часы его досуга, доставляла ему единственное развлеченіе и несказанное удовольствіе.

На девятнадцатомъ году своей жизни Тадеушъ опредѣлился на службу въ варшавскій коронный судъ, гдѣ пріобрѣлъ практическія свѣдѣнія въ юриспруденціи. Въ досужное время слушалъ лекціи по части исторіи и статистики у Нарушевича и Альбертранди; также покупалъ множество книгъ и рукописей, которыя и отсылалъ въ Порыцкъ.

Горное искусство въ Польшѣ было въ небреженіи; король Станиславъ воскресилъ это дѣло, опредѣливъ въ горную коммисію Чацкаго. Чацкій предложилъ на сеймѣ 1784 года, чтобы послать за границу нѣсколько способныхъ людей для усовершенствованія въ горныхъ наукахъ, пробирномъ искусствѣ и минералогіи. Предложеніе это было принято. Вслѣдствіе сего были отправлены за границу Янъ Мирошевскій, Антонъ Біенковскій, Янъ Окрашевскій и другіе. За отличное устройство самой горной коммисіи Чацкій получилъ отъ короля орденъ св. Станислава 1-й степени.

Вскорѣ послѣ того король Станиславъ, узнавъ честность и безкорыстіе Чацкаго, въ 1786 году опредѣлилъ его подскарбіемъ въ финансовую коммисію. Въ этомъ званіи Чацкій объѣзжалъ польскую Украину, съ тѣмъ, чтобъ составить проэктъ улуч-

шенія водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній, которыя потребны для успѣшнаго движенія торговли; пожертвовалъ собственныхъ десять тысячь червонцевъ для составленія подробной гидрографической карты веей Польши, умножилъ государственные доходы посредствомъ лотерейной игры, подалъ Посполитой Рѣчи проэктъ объ образованіи евреевъ, описалъ Краковъ и привелъ въ порядокъ и извѣстность рукописи, которыя до того хранились въ сырыхъ подвалахъ тамошнихъ монастырей.

Въ эпоху тарговицкой конфедераціи, Чацкій долгое время проживалъ въ Краковѣ; этимъ онъ подалъ поводъ русскому правительству подозрѣвать его въ злоумышленіяхъ противъ короля и Россіи. Вслѣдствіе сего Порыцкъ и все его имѣніе конфисковано въ казну. Тогда Чацкій отправился въ Петербургъ, явился къ генералу Зубову(?) и просилъ представить его государю императору Павлу Петровичу. Затѣмъ наряжена была коммисія, подъ предсѣдательствомъ Зубова, которой Чацкій представилъ ясныя доказательства своей невиновности, устраненія отъ всѣхъ партій, раздиравшихъ Польшу, свои занятія объ устройствѣ разореннаго своего имѣнія, свои труды по составленію ученыхъ записокъ, которыя онъ велъ, пользуясь книгами тамошней библіотеки и совѣтами тамошнихъ профессоровъ академіи. Вотъ какая была цѣль пребыванія его въ Краковѣ.... Коммисія признала его невиннымъ; императоръ Павелъ приказалъ возвратить ему конфискованное имущество, принялъ его милостиво, благосклонно и пожаловалъ ему чинъ тайнаго совѣтника, съ предложеніемъ присутствовать въ правительствующемъ сенатѣ.

По случаю священнаго коронованія императора Павла I-го, 2 апрѣля 1797 года, Чацкій чрезъ князя Куракина повергнулъ монаршему престолу всеподданнѣйшую просьбу поляковъ, жившихъ на Волыни, въ Подоліи и кіевскомъ намѣстничествѣ, въ которой испрашивалъ: 1) милостиваго забвенія прошедшаго тѣмъ полякамъ, которые политическими своими поступками заслужили кару законовъ; 2) перенесенія архива республики, подъ названіемъ «Метрика», въ которой хранятся документы о поль-

скомъ дворянствѣ и привиллегіи на ихъ имущество, въ западныя провинціи; 3) возобновленія присутственныхъ мѣстъ на правахъ польскихъ, которое желала произвести еще Екатерина Великая, но не успѣла по причинѣ смутъ и неустройства въ западныхъ провинціяхъ; 4) дозволенія дворянамъ упомянутыхъ провинцій выбирать изъ среды себя маршаловъ, судей, исправниковъ и другихъ чиновъ въ повѣтахъ и 5) производства всѣхъ судебныхъ дѣлъ на польскомъ языкѣ, для уничтоженія затрудненій, происходящихъ отъ незнанія русскаго языка.

Этотъ всеподданнѣйшій докладъ Чацкаго императоръ Павелъ благоволилъ утвердить во всей силѣ. Тогда-то Костюшко былъ освобожденъ отъ строгаго заключенія въ петропавловской крѣпости; поляки, сосланные въ разныя времена за политическія свои мнѣнія въ Сибирь, были возвращены на родину; производство дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ и обученіе юношества въ школахъ началось на польскоиъ языкѣ. Такимъ образомъ уничтожилось намѣреніе Екатерины II-й, желавшей при самомъ началѣ присоединенія этихъ провинцій къ Россіи, привить въ жителяхъ ихъ духъ господствующаго народа посредствомъ могучихъ средствъ: ученія и судопроизводства, чѣмъ, можетъ быть, устранились-бы смуты и кровопролитіе, которыя случились въ этихъ странахъ чрезъ 33 года.

По предложенію кіевскаго военнаго губернатора, Чацкій составилъ проэктъ улучшенія торговли на Волыни и въ Подоліи, богатыхъ естественными произведеніями, но громоздкими и не удобными для доставки къ торговому пункту. Этотъ проэктъ состоялъ въ проведеніи шоссе изъ Волыни къ рѣкамъ Бугу и Днѣстру, въ учрежденіи гдѣ либо въ западныхъ провинціяхъ коммерческаго банка, въ расчищеніи рѣкъ такъ, чтобы онѣ могли сдѣлаться судоходными, и другихъ мѣрахъ. Мало того, онъ составилъ компанію съ Джевецкимъ, Подгородинскимъ и другими для закупки пшеницы въ южныхъ повѣтахъ Волыни и Подоліи, учредилъ контору компаніи въ Одессѣ и построилъ купеческій корабль для свозки пшеницы въ Тріестъ, Марсель и италіанскіе

приморскіе города. Это предпріятіе его, не знаю почему, не удалось и лопнуло съ великимъ ущербомъ для компаніи.

Движимый дѣятельностію своего духа [1]), Чацкій вознамѣрился усилить народное образованіе въ кіевской, волынской и подольской губерніяхъ. Для того, сравнивъ воспитаніе юношества въ этихъ провинціяхъ подъ правленіемъ польскихъ королей и подъ властію русскихъ государей, изложилъ письменно причины запутанности въ этомъ важномъ дѣлѣ. Эти причины, по его мнѣнію, были слѣдующія: 1) уничтоженіе эдукаціонной коммисіи, распоряжавшейся учебными заведеніями и ихъ фундушами; 2) малочисленность школъ въ такомъ обширномъ и очень населенномъ краѣ; 3) запрещеніе преподавать польское и римское право и слабое преподаваніе латинскаго языка и 4) недостатокъ системы въ управленіи школами, съ тѣхъ поръ, какъ эти провинціи вошли въ составъ имперіи. Оттого, по выраженію Чацкаго, произошло невѣжество мѣщанъ, произведшее упадокъ городовъ и мѣстечекъ, и слабое движеніе польской словесности и исторіи, сокрытой въ заплеснѣлыхъ рукописяхъ, которыя не имѣли до сихъ поръ другихъ пріютовъ, кромѣ темныхъ и сырыхъ подваловъ.

Записку свою по этому предмету Чацкій препроводилъ въ 1802 году къ бывшему министру просвѣщенія, графу Петру Васильевичу Завадовскому, который, по высочайшей волѣ государя императора Александра перваго, сдѣлалъ Чацкаго генеральнымъ визитаторомъ училищъ кіевской, волынской и подольской губерній, съ чрезвычайнымъ уполномочіемъ открывать частныя пожертвованія на пользу училищъ и вновь устраивать школы въ мѣстахъ къ тому удобныхъ. Эту мѣру русскаго правительства тамошніе жители приняли съ великимъ восторгомъ.

---

[1]) Говоря о дѣятельности Чацкаго по поднятію и расширенію образованія въ юго-западномъ краѣ въ чисто польскомъ патріотическомъ духѣ, авторъ записокъ, призванный для насажденія тамъ-же образованія русскаго, и не подозрѣваетъ ни той ловкой анти-правительственной агитаціи, которую велъ Чацкій и руководимая имъ польская партія, ни той простоты и недальновидности, которыя проявили тогдашніе заправители нашей внутренней политики. *Ред.*

Чацкій въ скоромъ времени собралъ 415,455 злотыхъ 19 грошей (62,318 р. 33½ к. сер.) для устройства волынской гимназіи въ Кременцѣ.

Вскорѣ потомъ по зову Чацкаго, а именно 26-го октября 1803 года, собралось латинское духовенство въ Луцкѣ, подъ предсѣдательствомъ бискупа Каспера Цѣцишевскаго. Это засѣданіе открылось рѣчью Чацкаго, въ которой краснорѣчиво, убѣдительно изложена потребность всякому поляку въ знаніи Закона Божія, рахунковъ или ариѳметики и родного языка. Вслѣдствіе того, Цѣцишевскій, съ единодушнаго согласія волынскаго духовенства, опредѣлилъ открыть при каждомъ костелѣ парафіальную школу, обязавъ каждаго пробоща содержать это учебное заведеніе изъ костельныхъ доходовъ.

При семъ считаю приличнымъ замѣтить, что упомянутое обязательство для латинскаго духовенства не есть новый налогъ; они должны были приступить къ этой мѣрѣ еще прежде, потому что по эрекціямъ, или завѣщаніямъ фундаторовъ костеловъ и монастырей, пробощи и настоятели оныхъ получали деньги, кромѣ для себя, еще и на содержаніе учителей и костельныхъ школъ.

Слѣдуя примѣру волынскаго духовенства, также по настоянію Чацкаго, каменецъ-подольскій бискупъ Янъ Дембовскій извѣстилъ Чацкаго, что и каменецъ-подольское духовенство постановило: взымать десятую часть изъ костельныхъ доходовъ на устройство парафіальныхъ школъ въ Подоліи и хранить эти деньги въ каменецкомъ капитулѣ впредь до востребованія и надлежащаго употребленія. Въ 1804 году этихъ суммъ уже было собрано 10,958 злотыхъ 18 грошей (1643 р. 79 к. сер.). Къ симъ пожертвованіямъ приступило и кіевское латинское духовонство.

Волынское дворянство не только не отстало въ усердіи къ образованію своего края, но гораздо больше превзошло въ томъ и самое духовенство. О пожертвованіяхъ дворянства по каждой изъ трехъ губерній для устройства приходскихъ училищъ я въ свою очередь сообщу подробно.

Чацкій, собравъ всѣ свѣдѣнія о пожертвованіяхъ дворянъ и духовенства, предположилъ открыть 85 приходскихъ училищъ на Волыни, 26 въ Подоліи и 15 въ кіевской губерніи.

Проэктъ устава о приходскихъ училищахъ, составленный Чацкимъ, высочайше утвержденъ 31 августа 1807 года.

Для устройства повѣтовыхъ училищъ на степени гимназіи Чацкій отправился во Владиміръ-Волынскій, Добровицы, Любаръ, Овручъ, Житоміръ, Бердичевъ. Каневъ, Умань, Винницу и Баръ, чтобы самому лично осмотрѣть зданія, принадлежащія тамошнимъ монастырямъ и ознакомиться съ настоятелями этихъ монастырей. При этомъ визитѣ онъ согласилъ тамошнихъ настоятелей къ ежегодному взносу, для содержанія повѣтовыхъ училищъ, слѣдующихъ суммъ, а именно для владимірскаго 6,900 злотыхъ, добровицкаго 1,900 злот., любарскаго 3,100 злот., овручскаго 900 злот., житомірскаго 1,350 руб. ас. и 375 злот., бердичевскаго 2,500 злот., каневскаго 6,500 злот., уманскаго 2,000 злот., винницкаго 6,787 злот. и барскаго 1,400 злот. Къ тому-же онъ нашелъ въ каждомъ монастырѣ и нѣсколько молодыхъ ученыхъ монаховъ, которые обязались преподавать въ своихъ училищахъ какую либо науку или *gratis,* или за весьма умѣренную плату.

Проэктъ устава повѣтовыхъ училищъ, составленный Чацкимъ по совѣту извѣстнѣйшихъ въ то время ученыхъ мужей въ Польшѣ, получилъ высочайшее утвержденіе также въ 31 день августа 1807 года.

Окончивъ дѣла по этому предмету, онъ обратился къ патріотическому чувству дворянъ кіевской и подольской губерній, приглашая ихъ къ пожертвованію на святое дѣло воспитанія юношества въ этихъ провинціяхъ. Вслѣдствіе этого умнаго, пламеннаго воззванія, кіевское дворянство пожертвовало единовременно по одному рублю ассигн. съ каждой ревизской души, что составило капиталъ 46,2000 р. ассигн. для устройства въ Кіевѣ гимназіи на особыхъ правахъ и въ помощь другимъ училищамъ, а подольское дворянство взнесло 15,000 руб. ассигн. для основанія въ Винницѣ гимназіи и другихъ училищъ въ

Подоліи. Сверхъ того, въ то-же время графъ Феликсъ Потоцкій обязался ежегодно уплачивать съ каждой ревизской души своихъ крестьянъ, находящихся въ кіевской и подольской губерніяхъ, по 5 коп. ассигн. для содержанія училища въ Немировѣ.

Бывшій министръ просвѣщенія, графъ Завадовскій, получивъ донесенія о сихъ пожертвованіяхъ дворянъ, всеподданнѣйше доложилъ о томъ государю императору Александру I-му. Волынское, подольское и кіевское дворянство получило за то монаршее благоволеніе, а съ этимъ вмѣстѣ и Чацкій получилъ особенный высочайшій рескриптъ, въ которомъ было изъявлено ему милостивое благоволеніе за неусыпные труды его по этому предмету.

Г. Ярковскій, бывшій префектъ волынскаго лицея, съ восторгомъ, со слезами на глазахъ, повѣтствовалъ мнѣ о торжественномъ открытіи волынскаго лицея въ Кременцѣ. Уставъ лицея былъ высочайше утвержденъ еще 19 декабря 1803 года, а открытіе онаго послѣдовало 1-го октября 1805 года. Еще заблаговременно прибылъ въ Кременецъ Тадеушъ Чацкій, бойкій, мудрый, величавый Чацкій, для предварительнаго распоряженія и устройства этого народнаго торжества, а потомъ къ назначенному дню пріѣхали: бискупъ Цѣцишевскій съ викаріемъ Полимовскимъ и неизчетное число канониковъ и пробощей, волынскій губернаторъ, графъ Мнишекъ(?) изъ Вишневца, графъ Хоткевичъ изъ Млынова, князья Любомирскіе и великое число владѣльцевъ волынскихъ изъ Владиміра, Луцка, Острога и Стараго Константинова, словомъ: «изъ цалего свята». Когда собралась публика въ лицеальную залу, то Чацкій, взошедъ на каѳедру, произнесъ рѣчь, исполненную богатыхъ мыслей о воспитаніи вообще, о пользѣ просвѣщенія, прославлялъ монарховъ русскихъ: Екатерину Вторую, Павла перваго и Александра перваго за милости ихъ къ полякамъ, тепло, сильно величалъ дворянство западныхъ губерній за любовь къ просвѣщенію, за ихъ жертвы на пользу онаго; съ живымъ вдохновеніемъ начерталъ счастливую судьбину будущихъ поколѣній въ этихъ провинціяхъ, ихъ благосостояніе, ихъ богатство, которыя, съ по-

мощію науки, извлекутся изъ нѣдръ плодоносныхъ равнинъ, изъ утесистыхъ горъ, дремучихъ лѣсовъ, кристальныхъ водъ, прозрачной атмосферы. Графъ Завадовскій, получивъ отъ Чацкаго эту рѣчь, благодарилъ его за то восхитительное удовольствіе, которое доставило ему чтеніе этой поэтической рѣчи, уподоблялъ Чацкаго въ краснорѣчіи Геродоту, когда-то повѣтствовшему на Олимпійскихъ горахъ о произшествіяхъ въ Греціи. «Я, заключилъ свой разсказъ Ярковскій, по небытности на лицо директора лицея, Чеха, я, какъ префектъ лицея, принялъ отъ Чацкаго, съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія, высочайшую грамоту и уставъ лицея....»

Въ лицей поступили преподаватели изъ виленскаго университета, краковской академіи и львовскаго университета, по выбору самаго Чацкаго.

Чацкій озаботился умножить и въ огромномъ количествѣ умножилъ лицей учебными пособіями.

Во первыхъ онъ пріобрѣлъ покупкой за 7,500 зол. червонцевъ у наслѣдниковъ послѣдняго короля польскаго Станислава богатую библіотеку, состоявшую изъ 15,880 книгъ, подаренныхъ заславскою княгинею Санѣгиною, также множество книгъ, принесенныхъ въ даръ Яномъ Потоцкимъ, Миклашевскимъ и самимъ имъ, которыя онъ или выпрашивалъ у владѣльцевъ, настоятелей монастырей, или тайно похищалъ у тѣхъ, кто почему-нибудь не склонялся на его просьбу. Такимъ образомъ въ самое короткое время библіотека кременецкаго лицея возрасла до 32,468 томовъ. Во вторыхъ умножилъ минцъ-кабинетъ монетами и медалями, которыя онъ купилъ у тѣхъ же наслѣдниковъ короля Станислава за 7,500 зол. червонцевъ. Въ непродолжительное время число монетъ и медалей въ лицеѣ возросло до 20,000 номеровъ. Въ третьихъ выписалъ физическіе инструменты изъ Парижа, самаго лучшаго достоинства. Въ четвертыхъ составилъ минералогическій кабинетъ изъ пожертвованій князя Іосифа Понятовскаго, Сосновскаго, графа Мошинскаго, Валицкаго, петербургскаго купца Ситникова и извѣстнаго ксендза Колонтая, свирѣпаго врага русскихъ... Въ пятыхъ пригласилъ

изъ Кракова ботаника Шейдта, для устройства лицеальнаго ботаническаго сада. Въ шестыхъ, умножилъ доходы лицея пріобрѣтеніемъ кременецкаго староства, которое было до того въ пожизненномъ владѣніи у князя Сангушка. Императоръ Александръ, вслѣдствіе представленія бывшаго министра просвѣщенія графа Завадовскаго по этому предмету, благоволилъ Высочайше утвердить кременецкое староство за лицеемъ въ 13 день октября 1806 года. Въ седмыхъ Чацкій испросилъ дозволеніе оправить базиліанскій монастырь, въ которомъ помѣстилъ волынскій лицей удобно, прилично. Это помѣщеніе лицея послѣдовало также осенью 1807 года, и въ немъ лицей существовалъ до 1833 г., т. е. до времени своего перенесенія въ Кіевъ.

Король Станиславъ Понятовскій, на основаніи постановленія сейма 1770 года, изгналъ изъ Польши іезуитовъ, которые своимъ фанатизмомъ и пронырствомъ сильно содѣйствовали къ ослабленію королевства, а богатое ихъ имущество опредѣлилъ употребить на воспитаніе юношества. Для завѣдыванія этими фондами, онъ учредилъ эдукаціонную коммисію, въ вѣдомство которой передавалъ и другіе эдукаціонные капиталы. По присоединеніи Волыни и Подоліи къ Россіи, эта коллегія перестала существовать, чрезъ то одни капиталы были совершенно утрачены, другіе возросли до неоплатныхъ процентовъ, а нѣкоторые не были обезпечены никакимъ имуществомъ, слѣдовательно могли пропасть у частныхъ лицъ. Чацкій, желая собрать и сохранить эти капиталы, не утруждая другихъ присутственныхъ мѣстъ, кромѣ исполнительной власти, начерталъ проэктъ учрежденія двухъ эдукаціонныхъ коммисій: одной въ Кременцѣ, а другой въ Вильнѣ. Эти коммисіи дѣлятся на два отдѣленія: экономическое и судное. Управленіе коммисіею поручается пяти или болѣе членамъ, выбраннымъ изъ дворянъ, извѣстныхъ своею образованностію и благонамѣренностію. Въ каждой коммисіи должно быть по одному предсѣдателю и секретарю. Императоръ Александръ, 21 декабря 1807 года, вполнѣ утвердилъ этотъ проэктъ. Чацкій былъ избранъ предсѣдателемъ кременецкой эду-

каціонной коммисіи, а членами оной графъ Олизаръ, Борейко, графъ Собанскій, графъ Хоткевичъ и графъ Плятеръ.

Чацкій отлично исполнилъ свою должность предсѣдателя: вновь открывалъ училищные капиталы и какъ тѣ, такъ уже и прежде открытые—или взыскивалъ, или обезпечивалъ на недвижимыхъ имѣніяхъ. Наличныя суммы снова раздавалъ обывателямъ подъ залогъ, для приращенія процентами. Такимъ образомъ неподвижный эдукаціонный капиталъ скоро возросъ до 2,350,000 злотыхъ, или 352,500 руб. сер. Сверхъ того на всѣ обязательства фундаторовъ училищъ Чацкій сдѣлалъ акты и внесъ ихъ въ мѣстныя гражданскія палаты на утвержденіе.

Его стараніемъ открыта гимназія въ Винницѣ 1810 года и преобразована кіевская въ 1812 году, 30 генваря, съ предоставленіемъ этой послѣдней особыхъ правъ.

Всѣмъ извѣстна преданность поляковъ бывшему императору Наполеону, который обольщалъ ихъ обѣщаніями возстановить Польшу. Молодые люди нетерпѣливо ожидали исполненія этихъ обѣщаній, а особливо кременецкіе воспитанники. Вслѣдствіе того, министръ просвѣщенія, въ 1807 году, предположилъ перенесть кременецкій лицей въ Кіевъ, постановивъ причиною тому близость Кременца отъ границы и необходимость надежнаго надзора за духомъ воспитывающагося юношества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, военный губернаторъ, Голенищевъ-Кутузовъ, отъ 27 генваря 1807 года, предписалъ Чацкому отправиться въ Харьковъ и быть тамъ подъ надзоромъ университета. Въ Харьковѣ Чацкій узналъ, что осеннее его путешествіе по кіевской, волынской и подольской губерніяхъ возродило подозрѣніе у его недоброжелателей, которые описали его императору человѣкомъ опаснымъ, сильно поддерживающимъ въ воспитывающемся юношествѣ національность вредную для Россіи. Тамъ посѣщали его профессора университета: Стойновичь, Рижскій и Тимковскій, входили съ нимъ въ ученыя и политическія бесѣды и плѣнялись его начитанностію, теплотою, благородными движеніями сердца, благоразумными убѣжденіями и искреннею преданностію учрежденіямъ правительства. Такъ прошло три недѣли. Никто не требовалъ

отъ него никакихъ объясненій, никто не излагалъ причинъ, навлекшихъ на него опалу. Считая себя совершенно невиннымъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, Чацкій послалъ вееподданнѣйшую жалобу государю императору, въ которой просилъ, какъ милости, строгаго, но скораго суда надъ собою. Вслѣдствіе сего императоръ потребовалъ его въ Петербургъ и повелѣлъ графу Кочубею, князю (?) и Новосильцеву разслѣдовать поступки его, которые въ доносѣ были изложены. Здѣсь Чацкій представилъ уважительныхъ свидѣтелей, доказавшихъ, что онъ мирный человѣкъ, всегда уклонялся отъ партій, раздиравшихъ Польшу, всегда въ задушевныхъ бесѣдахъ съ негодованіемъ отзывался о тѣхъ лицахъ, которые смущали поляковъ противъ русскаго правительства и что онъ весь свой досугъ, всѣ свои путешествія по провинціямъ, всю свою дѣятельность болѣе пяти лѣтъ употреблялъ для образованія новаго поколѣнія ко благу страны. Коммисія, убѣдясь очевидными доказательствами въ невиновности Чацкаго, донесла о томъ государю императору, который повелѣлъ освободить его отъ суда, 20 іюля 1807 года, и дозволилъ ему возвратиться на мѣсто прежняго его жительства.

Чацкій, посѣщая часто бывшаго министра просвѣщенія графа Завадовскаго, употребилъ все свое вліяніе на него, чтобы только удержать лицей въ Кременцѣ, присовокупивъ къ тому, что лицей можетъ существовать только въ этомъ городѣ, потому что обыватели къ этому мѣсту привыкли, для этого именно мѣста опредѣлили фундуши и что въ другомъ мѣстѣ стѣны его будутъ пусты. Министръ рѣшился оставить лицей въ Кременцѣ. Сверхъ того, проживая въ Петербургѣ, Чацкій составилъ проэктъ учрежденія при волынскомъ лицеѣ школы землемѣровъ, каковой проэктъ высочайше утвержденъ 27 іюля 1807 года. Съ этимъ уставомъ Чацкій возвратился на Волынь.

Въ эпоху, когда Наполеонъ пріуготовлялъ грозное свое нашествіе на Россію, когда вызванъ уже былъ въ Парижъ Іосифъ Понятовскій, другъ Чацкаго, для содѣйствія этой цѣли, когда въ западныхъ провинціяхъ снова разлилась молва о скоромъ возобновленіи Польши, именно въ 1810 году, Чацкій снова воз-

будилъ подозрѣніе правительства во враждебныхъ дѣйствіяхъ своихъ противъ Россіи. Его потребовали въ Житоміръ, гдѣ для того наряжена была коммисія. Этой коммисіи поручено сверхъ того еще разслѣдовать: 1) способъ преподаванія наукъ въ волынскомъ лицеѣ соотвѣтствуетъ ли видамъ правительства, 2) удобно ли помѣщается лицей въ Кременцѣ и если не удобно, то гдѣ-бы лучше помѣстить оный и 3) эдукаціонные доходы достигаютъ ли своей цѣли. Чацкій объяснялся сильно, убѣдительно и отчетливо предъ этою коммисіею, и она совершенно его оправдала отъ ложныхъ доносовъ и нашла необходимою потребностію оставить лицей въ Кременцѣ.

Неусыпные труды Чацкаго, понесенные имъ въ продолженіе многихъ лѣтъ на поприщѣ воспитанія юношества и послѣднія горести пріобрѣли ему глубокое уваженіе волынянъ, и они, соорудивъ на свой счетъ бронзовый бюстъ его, опредѣлили поставить оный въ лицеальной библіотекѣ, имъ созданной и умноженной и сверхъ того въ память этого народнаго торжества выбили медаль.

Чацкій умеръ отъ нервной горячки, 8 февраля 1813 года, скоро послѣ того счастливаго для Россіи событія, когда въ ней не оставалось ни одного непріятельскаго воина. Тѣло его погребено въ Порыцкѣ, а сердце съ великимъ торжествомъ перенесено для храненія въ кременецкій лицей, въ ознаменованіе того, что всѣ его помыслы, всѣ его дѣйствія въ жизни были посвящены на приведеніе этого учебнаго заведенія въ цвѣтущее состояніе...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки Ивана Матвѣевича Сбитнева.

(Изъ времени учрежденія на Волыни и Подоліи, послѣ возстанія 1831 г., русскихъ школъ, въ замѣнъ польскихъ).

(Продолженіе) [1]).

Краткія свѣдѣнія о школахъ въ западныхъ провинціяхъ, бывшихъ до преобразованія.

Эти же занятія мои дѣлами кременецкой эдукаціонной комисіи познакомили меня нѣсколько съ учебными заведеніями, существовавшими въ кіевской, волынской и подольской губерніяхъ, въ томъ состояніи, въ какомъ они были до закрытія ихъ въ 1831 году.

Эти учебныя заведенія были слѣдующія:

А. Въ кіевской губерніи.

1) Кіевская гимназія на особыхъ правахъ. Въ ней сверхъ наукъ, которыя преподавались обыкновенно во всѣхъ гимназіяхъ, были еще введены русское право, римское право и греческій языкъ. Воспитанникъ, по окончаніи гимназіи, получалъ чинъ 14 класса. Для содержанія этой гимназіи суммы отпускались изъ казны, преподаватели были присылаемы изъ педагогическаго института и харьковскаго университета.

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1887 г., мартовск. кн., стр. 439—468.

2) Подольское уѣздное училище, въ которомъ преподавались науки, введенныя во всѣ русскія уѣздныя училища. Содержаніе получало изъ казны.

3) Каневское повѣтовое училище о шести классахъ, на степени гимназіи, содержалось на иждивеніи базиліанъ. Въ этомъ училищѣ часть преподавателей была изъ монаховъ базиліанскихъ, часть выписывалась изъ виленскаго университета.

4) Уманское повѣтовое училище, также о 6 классахъ, на степени гимназіи, содержалось на иждивеніи базиліанъ.

Предметы въ этихъ училищахъ преподавались такіе, какіе обыкновенно введены въ гимназіяхъ; но были еще особенные учителя для латинскаго языка, Закона Божія и польской словесности.

Сверхъ этихъ среднихъ учебныхъ заведеній существовало пятнадцать приходскихъ училищъ.

Б. Въ волынской губерніи.

5) Кременецкій лицей или волынская гимназія. Этотъ лицей состоялъ изъ семи классовъ; въ первыхъ четырехъ классахъ преподавались предметы, какъ къ семинаріяхъ, а въ послѣднихъ трехъ курсахъ науки преподавались въ такой почти степени, какъ въ университетахъ. Преподаватель долженъ имѣть степень доктора, или, по крайней мѣрѣ, магистра. Они присылались по большей части изъ виленскаго университета. Лицей этотъ содержался изъ собственныхъ доходовъ, пожертвованныхъ дворянствомъ, и доходовъ изъ кременецкаго староства.

6) Клеванское повѣтовое училище, о 6 классахъ, на степени гимназіи, помѣщалось въ замкѣ, подаренномъ для сего князьями Любомірскими. Суммы для содержанія его отпускались изъ казны.

7) Межирецкое повѣтовое училище, также о 6 классахъ, на степени гимназіи, содержалось на иждивеніи піаровъ.

8) Овручское повѣтовое училище было о четырехъ классахъ; но въ послѣднемъ классѣ преподавались три года гимна-

зическіе предметы для тѣхъ воспитанниковъ, которые желали потомъ поступить въ университетъ. Это училище содержалось иждивеніемъ базиліанъ.

9) Бердичевское повѣтовое училище, о четырехъ только классахъ, содержалось иждивеніемъ кармелитовъ.

Сверхъ того были на Волыни слѣдующія городскія училища: въ г. Житомірѣ, мѣстечкѣ Полонномъ, Коднѣ, Бердичевѣ, Новоградъ-Волынскѣ, Корцѣ, Острогѣ, Овручѣ, Велединкѣ, Заславлѣ, Старомъ-Константиновѣ, Теофиполѣ, Кременцѣ, Катербургѣ, Вишневцѣ, Алексинѣ, Почаевѣ, Радзивиловѣ, Боремлѣ, Млыновѣ, Дубнахъ, Доростаѣ, въ большомъ и маломъ, Луцкѣ, Мизочѣ, Локачахъ, Несвижѣ, Торчинѣ, Владимірѣ-Волынскомъ, Седлицѣ, Гороховѣ, Порыцкѣ, Сельцѣ, Устилугѣ, Ковлѣ, Турійскѣ, Мѣльницахъ, Голобахъ, Ратномъ, Коблинѣ, Любарѣ, Чудномъ, Колкахъ, Любомлѣ, Ровнѣ, Клевани, Олыкѣ, Деражномъ, Степани, Бережинцахъ, Шпаковѣ, Казимірковѣ, Горынь-городѣ, Заблоцѣ, Буковцѣ и Трояновѣ.

Большая часть изъ этихъ училищъ содержались на счетъ владѣльцевъ помѣщиковъ, а остальныя на иждивеніи латинскаго духовенства. Владѣльцы для этого опредѣляли: 1) домъ о двухъ комнатахъ и при немъ огородъ въ два морга, 2) сѣнокосъ въ два морга, 3) пахатной земли—въ иныхъ по 10, въ другихъ по 20, а въ иныхъ по 30 морговъ; сверхъ того 4) учители получали деньгами 600 злотыхъ, 5) въ награду прилежнымъ учителямъ 5 р. 40 к. сереб., 6) за каждую перемѣну владѣльца вотчиною платится цѣна 50 корцевъ ржи, 7) изгородь огорода, первую обработку полей и засѣвъ также бралъ на себя фундаторъ и 8) въ добавокъ, два кормленыхъ кабана и двѣ фастки масла.

В. Въ подольской губерніи.

10) Винницкая гимназія. Получала содержаніе изъ казны.

11) Меджибожское повѣтовое училище. Помѣщалось въ замкѣ князя Адама Черторижскаго и получало содержаніе отъ казны.

12) Каменецъ-Подольское повѣтовое училище. Получало содержаніе отъ казны.

13) Барское повѣтовое училище. Содержалось на иждивеніи тринитаровъ.

Всѣ три послѣднія училища были о 6 классахъ; въ нихъ преподавались науки въ такомъ же объемѣ, какъ въ гимназіяхъ.

Сверхъ того существовало еще 29 приходскихъ школъ, содержимыхъ по большей части латинскимъ духовенствомъ.

Окладъ жалованья чиновникамъ былъ слѣдующій.

Въ кременецкомъ лицеѣ: директору 1,000 р. сер.

Въ винницкой гимназіи: директору 800 р. сер., префекту и преподавателямъ наукъ по 400 р. сер.

Въ повѣтовыхъ школахъ: штатному смотрителю 400 р. с., учителямъ по 300 р. сер.

Въ приходскихъ училищахъ жалованье учителю не превосходило 150 р. сер., если онъ самъ не хотѣлъ заниматься обработкой назначенныхъ ему земель.

Учебныя книги для кіевской гимназіи присылались изъ департамента министерства просвѣщенія и харьковскаго университета; а для прочихъ учебныхъ заведеній, по требованію, высылалъ коммисіонеръ виленскаго университета, Глюксбергъ. Всѣ книги были на польскомъ языкѣ. Каждый классъ имѣлъ свою книгу, и онѣ назывались: книга для перваго класса, книга для втораго класса, книга для третьяго класса и т. д. Въ книгѣ для перваго клаеса изложена часть науки, которая должна быть пройдена непремѣнно въ этомъ классѣ, въ книгѣ для втораго класса было продолженіе той же науки, а въ книгѣ для третьяго класса слѣдовало продолженіе науки съ того пункта, на которомъ она оканчивалась въ книгѣ, предназначенной для втораго класса, и т. д. Эти книги печатались на сѣрой бумагѣ. Цѣна имъ назначалась очень малая: отъ 6 грошей до 2-хъ злотыхъ, не дороже. Виленское училищное начальство очень заботилось о томъ, чтобы не перемѣнять учебниковъ и тѣмъ не вводить воспитанниковъ въ разореніе отъ частыхъ покупокъ. Учи-

теля для руководства въ преподаваніи всеобщей исторіи имѣли исторію Кайданова, переведенную на польскій языкъ. Она всегда находилась на каѳедрѣ развернутою и, кажется, только и имѣла это назначеніе—лежать на каѳедрѣ, потому что преподаватели руководствовались другими учебниками по этой части. Тоже можно сказать и о русской исторіи.

Воспитанники по нѣсколько человѣкъ помѣщались на избранныхъ префектомъ квартирахъ, подъ надзоромъ или старшихъ учениковъ или окончившихъ прежде ученіе. Даже дѣти, живущіе въ томъ городѣ, гдѣ было училище, имѣли дозорца, надзирателя. Каждый дозорца имѣлъ переплетенную книгу, въ которой прописывались имена воспитанниковъ, ихъ лѣта, въ какомъ классѣ кто находился, какія у него книги, вещи, сколько у него денегъ, сколько издержалъ воспитанникъ денегъ и сколько у него осталось на лице. Въ этой книгѣ ежедневно отмѣчались успѣхи воспитанниковъ въ наукахъ и ихъ поведеніе. Префектъ почти ежедневно посѣщалъ квартиры воспитанниковъ, а по утрамъ получалъ донесенія о нихъ отъ дозорцевъ. При посѣщеніи онъ пересматривалъ книгу, въ которую собственноручно записывалъ свои замѣчанія о воспитанникахъ, ихъ вещахъ, состояніи квартиры, чиста ли она, тепла, или холодна, и всѣ свои расправы, которыя онъ учинилъ. Расправы съ воспитанниками на квартирѣ были обыкновенно розги; эту экзекуцію всегда исполнялъ цензоръ, ученикъ атлетическаго роста и силы. По окончаніи годичнаго курса, дозорцы передавали эти книги префекту для храненія, а въ началѣ курса имъ выдавались новыя. Сверхъ того префектъ имѣлъ особеннаго довѣреннаго человѣка, шпіона, изъ постороннихъ лицъ, иногда изъ простаго сословія, даже изъ жидовъ. Эти тайные дозорцы, подъ благовиднымъ предлогомъ, посѣщали хозяина квартиры, или воспитанниковъ, ловко стороною развѣдывали о поведеніи дозорцевъ и воспитанниковъ и секретно доносили о томъ префекту.

Дѣти достаточныхъ родителей помѣщались при монастыряхъ, въ отдѣльныхъ комнатахъ, называемыхъ конвиктами, подъ надзоромъ монаховъ, или живали на квартирахъ учитель-

скихъ съ платежемъ денегъ по условію. И тѣмъ и другимъ платили значительныя деньги. Дѣти бѣднѣйшихъ родителей и круглые сироты помѣщались даромъ на общихъ квартирахъ.

Каждый классъ имѣлъ свое знамя, которое выносилось только во время торжественныхъ случаевъ, а именно: во время праздника Божіе Тѣло, или во время маювки, т. е. майскаго гулянья. Этихъ гуляній было непремѣнно три: 1, 15 и 30-го мая. Горе училищному начальству отъ родителей, если оно не выполнитъ этихъ трехъ гуляній съ ихъ дѣтьми!

Между преподавателями находилось много съ хорошимъ образованіемъ. Въ гимназію опредѣлялись магистры, даже доктора, а въ уѣздныя училища кандидаты. Нѣсколько изъ преподавателей кременецкаго лицея впослѣдствіи заняли каѳедры въ виленскомъ университетѣ. Извѣстный Лелевель былъ сперва учителемъ въ кременецкомъ лицеѣ. Всѣ преподаватели пользовались хорошимъ общественнымъ мнѣніемъ и принимались даже въ домахъ аристократовъ, или магнатовъ, какъ тамъ обыкновенно выражаются, съ отличнымъ уваженіемъ.

Преподаватели и воспитанники имѣли *мундуръ*, форменную одежду, высочайше утвержденную для виленскаго учебнаго округа. Но мѣстное училищное начальство не стѣсняло бѣдныхъ воспитанниковъ; имъ дозволялось являться въ училище и въ партикулярной одеждѣ.

Дешевизна въ учебныхъ пособіяхъ, квартирахъ и содержаніи, свобода въ одеждѣ, а особливо любовь поляковъ къ образованію вообще, привлекали воспитанниковъ въ учебныя заведенія, которыя были многолюдны.—Въ Межирѣчи, Каневѣ, Винницѣ считалось ежегодно до 300 учениковъ и болѣе, а въ кременецкомъ лицеѣ число воспитанниковъ доходило до 1000.

Преподаватели, даже и тѣ, которые служили въ училищахъ, содержимыхъ духовенствомъ, могли получать чины, еслибъ того желали они сами. Но тѣ и другіе не любили ранговъ, чиновъ, боясь подвергнуться общественной насмѣшкѣ. Я зналъ многихъ преподавателей, которые служили по двадцати лѣтъ, состарѣлись, получили даже полный пенсіонъ и не имѣли чи-

новъ. Отъ нихъ-то я узналъ, что бывшій попечитель виленскаго учебнаго округа, князь Адамъ Чарторижскій, сильно, могущественно поддерживалъ эту нелюбовь къ чинамъ. «На что вамъ чины? вы шляхтичь, вы ученый человѣкъ; это выше всѣхъ чиновъ»! Такъ обыкновенно отвѣчалъ Чарторижскій тѣмъ преподавателямъ, которые просили его о представленіяхъ къ чинамъ.

Всѣ училища посѣщаемы были визитаторами, которые присылались, въ разныя времена, изъ виленскаго университета; но по большей части, по распоряженію виленскаго университета, эти училища визитировались или предсѣдателемъ, или членами эдукаціонной коммиссіи. По дѣламъ коммиссіи видно, что Чацкій, графъ Плятеръ и Подгородинскій часто посѣщали училища въ качествѣ визитаторовъ.

Во всѣхъ училищахъ введенъ былъ обычай каждый день предъ начатіемъ ученія водить учениковъ въ костелъ для выслушанія тихой мши, т. е. когда не играетъ органъ и ксендзъ шепчетъ про себя весь составъ литургіи. Это обыкновеніе было, по мнѣнію моему, очень хорошо, потому что оно пріучало дѣтей молитвою начинать дневные труды.

Въ заключеніе, не могу утаить, что въ давнія времена въ этихъ училищахъ сильно поддерживалась національность польская: скрывали отъ воспитанниковъ и движеніе образованности въ Россіи, и могущество ея подъ властію мудрыхъ самодержцевъ, и развитіе въ ней промышленности, и благотворныя дѣйствія и учрежденія правительства, ведущія имперію къ цвѣтущему состоянію; но за то умѣли возвеличить передъ ними, при всякомъ случаѣ, и прелесть края польскаго, и высокую образованность поляковъ, ихъ великую заслугу въ успѣхахъ изящной словесности; съ теплотою прославляли мужество, непобѣдимость польскихъ воиновъ, добродѣтели поляковъ, ихъ врожденное дарованіе ко всему, и тому подобное. Оттого юноши не любили Россію, но обожали Польшу; однимъ словомъ, Россія была для учениковъ terra incognita, но за то Польша была извѣстна со всѣми подробностями, и въ прошедшія, и въ насто-

ящія времена, и они не сомнѣвались въ исполненіи ихъ будущей судьбины, на основаніи тѣхъ понятій, которыя заранѣе имъ внушались. Не удивительно, если напитанные такими внушеніями юноши и въ возмужалыхъ лѣтахъ были глухи къ призыву русскаго правительства на служеніе общему отечеству—Россіи! Молодые люди съ большимъ состояніемъ оставались въ домахъ, хозяйничали, охотились, иногда путешествовали по Европѣ съ ученою цѣлью и безъ цѣли; люди съ среднимъ состояніемъ также хозяйничали, также охотились, но путешествовали не далѣе Львова и Варшавы, чтобъ только сказали о нихъ, что они путешествовали; а бѣдная шляхта служила у тѣхъ и другихъ, сперва лакеями, кучерами, писарями, далѣе дворецкими, потомъ если повезетъ необыкновенное счастіе, то достигали выгодной должности коммисара, т. е. управляющаго имѣніемъ, а тамъ чрезъ нѣсколько времени дѣлались поссесорами, то есть брали во временное владѣніе деревни у богатыхъ, а наконецъ дѣлались настоящими владѣльцами и достигали иногда почетнаго титла: hrabia, т. е. графа, пожалованнаго имъ отъ околодка, а иногда отъ цѣлаго уѣзда. Изъ этой шляхты были дѣльцы, занимались адвокатствомъ,—самымъ прибыльнымъ ремесломъ и служили по выборамъ дворянства.

Дѣвицы съ порядочнымъ состояніемъ получали воспитаніе преимущественно въ женскихъ монастыряхъ у визитокъ, гдѣ внушали имъ страхъ Божій, строгое благочестіе, высокую нравственность, любовь къ дѣятельности, опрятности; за тѣмъ, по выпускѣ изъ монастыря, они узнавали въ домахъ все то, что нужно имъ для общественной жизни. Эти монастырскія училища визитировались только бискупомъ или уполномоченнымъ отъ него. Бѣдныя шляхтянки воспитывались или въ домахъ своихъ родителей, или у родственниковъ своихъ, или въ парафіальныхъ школахъ; потомъ дѣлались прислужницами и компаніонками въ богатыхъ домахъ. Всѣ польки вообще набожны, высокой нравственности, умѣютъ одѣваться къ лицу, привѣтливы, ловки въ обращеніи, а потому прелестны; притомъ большія хозяйки и, почто скрывать, большія патріотки и деспотки къ домахъ сво-

ихъ, но деспотствуютъ силою женской дипломаціи: кротостію, красотою и прелестью. Объ исключеніяхъ я не стану говорить ни слова.

Кіевъ, 25 іюля.

Окончивъ наши выписки, столько, сколько нужно на первый разъ, товарищъ мой и я рѣшились отправиться въ путь прямо на Вишневецъ. Лишь только поднялись мы на гору, то казалось, что мы приблизились къ земному полюсу градусовъ на пять: такъ и пахнуло на насъ свѣжимъ воздухомъ, оживившимъ наши силы, чрезвычайно истощенныя тропическою теплотою глубокаго ущелья кременецкаго. Въ Вишневцѣ мы остановились въ домѣ тамошняго пробоща. Оправившись нѣсколько послѣ дороги, мы, въ сопровожденіи этого духовнаго лица, отправились въ замокъ графа Мнишка, но его, къ несчастію, не застали въ домѣ. Насъ встрѣтилъ управляющій его имѣніемъ, который заблаговременно былъ уполномоченъ владѣльцемъ исполнять всѣ наши требованія. Вслѣдствіе того, мы отправились осмотрѣть училищный домъ, находившійся противъ замка и приведенный въ отличный порядокъ. Въ разсчетѣ недоимки за прежнее время и въ отпускѣ 150 р. с. на содержаніе учителя не только не произошло спора, но еще охотно исполнилъ онъ и другія наши предложенія, которыя клонились къ лучшему благосостоянію училища. Актъ былъ написанъ и подписанъ, какъ слѣдуетъ. Слава Богу! подумалъ я. Первый приступъ къ нашему дѣлу исполненъ удачно, а хорошее начало есть половина дѣла, говоритъ пословица.

Здѣсь къ стати открыть истину. Всѣ фундаторы училищъ, кромѣ духовенства, вслѣдствіе своихъ обязательствъ, поставили непремѣннымъ условіемъ, что пожертвованія ихъ прекращаются съ тѣхъ поръ, какъ скоро училища будутъ закрыты. И такъ, мы имѣли большое основаніе обрадоваться первому нашему успѣху.

Управляющій простеръ свою къ намъ привѣтливость еще далѣе. Онъ отправилъ гонца въ Алексинцы съ тѣмъ, чтобъ все

было приготовлено къ нашему пріѣзду, для того, говорилъ онъ, дабы мы не имѣли ни въ чемъ остановки. А, кажется, цѣль его была другая: онъ извѣстилъ тамошняго управляющаго о томъ, что мы говорили и дѣлали въ Вишневцѣ. Могу ли умолчать о томъ, съ какимъ вниманіемъ я осматривалъ замокъ, прекрасный паркъ, его вѣковыя липы, подъ которыми, можетъ быть, ложный царевичъ, Димитрій, за два вѣка передъ этимъ, очарованный ловкою дочерью Мнишка, Мариною, любовался прелестнымъ положеніемъ Вишневца и мечталъ съ нею о царствованіи своемъ надъ Московіею!

Дѣйствительно, въ Алексинцахъ намъ не было никакой задержки: мы въ три часа покончили съ тамошнимъ управляющимъ всѣ дѣла наши по училищу на такомъ же основаніи, какъ и въ Вишневцѣ. Почему, не мѣшкая ни мало, мы отправились въ Почаевъ, мѣстечко знаменитое тамошнимъ монастыремъ, гдѣ нашла пріютъ чудотворная икона Матери Божіей и гдѣ указываютъ на слѣдъ стопы ея, напечатлѣнный на камнѣ, слѣдъ, изъ котораго безпрестанно струится кристальная вода. Говорятъ, что этотъ монастырь былъ очень богатъ церковною утварью тогда, когда онъ былъ подъ властію базиліанъ. Какъ скоро они узнали, что этотъ монастырь предназначается въ каѳедру православнаго архіепископа, то, расхитивъ драгоцѣнные камни, золотые и серебренные сосуды, скрыли ихъ такъ, что никакихъ слѣдовъ не оставили. Первою моею обязанностію почелъ я посѣтить и принять благословеніе отъ архіепископа Иннокентія, который недавно основалъ здѣсь свою каѳедру, перенесши жилище свое изъ Аннополя. Преосвященный распрашивалъ меня объ основаніи, на которомъ будутъ открыты приходскія школы и чьему надзору они должны быть поручены. Я тогда могъ ему сообщить только то, что мнѣ ничего не извѣстно, ибо я боялся откровеннымъ сознаніемъ сдѣлать огласку, которая могла повредить полезному окончанію нашего дѣла. Затѣмъ я познакомился съ намѣстникомъ монастыря архимандритомъ Антоніемъ; ему самому угодно было показать мнѣ достопримѣчательности монастыря и присутствовать при молитвен-

номъ обрядѣ, посредствомъ котораго при гробѣ угодника Божія Іова изгоняли тяжкій недугъ у какого-то человѣка. Мнѣ и въ голову не приходило тогда, что этотъ умный, кроткій и ученый Антоній, бывшій незадолго предъ этимъ законоучителемъ въ кременецкомъ лицеѣ, будетъ со временемъ возведенъ на первый святительскій престолъ въ имперіи. Во время легкой закуски были только онъ, я и дочь его, жена деревенскаго священника кіевской губерніи. И онъ, сознаваясь въ недостаточномъ своемъ состояніи, съ душевною скорбію принужденъ былъ отказать ей въ такомъ денежномъ пособіи, какого она съ плачемъ требовала. Дочь моя любезная! я далъ тебѣ столько, сколько могъ; не требуй отъ меня большаго! Я самъ ничего не имѣю. Клянусь Богомъ! таковы были послѣднія слова его. Послѣ нихъ я немедленно простился съ нимъ. Мнѣ грустно стало.

Изъ Почаева мы снова возвратились въ Кременецъ, чтобы составить рапортъ къ г. попечителю учебнаго округа о первыхъ нашихъ успѣшныхъ дѣйствіяхъ по предмету устройства школъ. Этотъ нашъ возвратъ былъ по низменной равнинѣ, лежащей на сѣверной сторонѣ кременецкихъ горъ. Роскошь растительности и частыя встрѣчи съ прудами и быстрыми ручьями, обсаженными тополями и вербами, а можетъ быть и особенное настроеніе духа, представляли мнѣ эту равнину живымъ образомъ рая, въ которомъ, казалось, разрушеніе не могло коснуться человѣческаго организма.

Чрезъ три дня, а именно 26 іюня, мы снова вырвались изъ ущелья, называемаго Кременцомъ, и направили наше странствованіе прямо въ Дубны, куда прибыли на закатѣ палящаго солнца. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ день былъ зноенъ невыносимо. На другой день, утромъ, мы посѣтили тамошняго почтеннаго пробоща, который по предмету дубенской школы съ перваго нашего слова на все согласился и все сдѣлалъ. И такъ, не мѣшкая, учинили мы наѣздъ къ графу Ходькевичу, котораго въ тамошнихъ окрестныхъ мѣстахъ именуютъ еще графомъ млыновскимъ, вѣроятно потому, что онъ живетъ въ м. Млыновѣ, и еще потому, что въ дубенскомъ уѣздѣ есть другой

графъ Ходькевичь, который также имѣетъ другое придаточное прозваніе, если не ошибаюсь, графа варковичскаго. По небытности въ домѣ самаго владѣльца, насъ принялъ сынъ его, молодой человѣкъ, съ отличнымъ образованіемъ. Онъ намъ между прочимъ объявилъ, что онъ былъ уже предувѣдомленъ о нашемъ пріѣздѣ, а потому заблаговременно привелъ училищный домъ въ порядокъ и станетъ отпускать содержаніе учителю, на основаніи условія, *хоть заразъ*. Намъ осталось только благодарить его за вниманіе и привѣтливость. Этотъ молодой графъ— большой любитель химіи и имѣетъ порядочную коллекцію книгъ по этому предмету. По этому, вся наша бесѣда вертѣлась около этой науки, и надобно правду сказать, бесѣда его была очень занимательна.—Такъ какъ деревня Доростаи, принадлежитъ тому же владѣльцу, то и тамъ насъ не задержали. Оттуда мы отправились въ Луцкъ, городъ, окруженный почти со всѣхъ сторонъ болотами, извѣстный въ отечественной исторіи тѣмъ, что въ немъ за $2^1/_2$ вѣка тому назадъ бывали частые соборы духовенства, православнаго и латинскаго, для совѣщанія о предметахъ вѣры.

Здѣсь мы должны были остановиться на нѣсколько дней за тѣмъ, чтобъ составить второй рапортъ къ г. попечителю о нашихъ занятіяхъ.

Въ Луцкѣ я представился латинскому преосвященному, бискупу Пивницкому, которому лично принесъ глубокую, душевную мою благодарность за циркулярную его инструкцію къ подвѣдомому ему духовенству. Вслѣдствіе этой инструкціи, пробощи костеловъ оказали намъ радушное гостепріимство, а главное: снабдили насъ, со всею искренностію, мѣстными свѣдѣніями объ училищахъ и владѣльцахъ.

Потомъ посѣтилъ я директора гимназіи, И. Г. Кулжинскаго, который ловко и дѣльно боролся съ лицами, преданными съ патріотическимъ фанатизмомъ прежнимъ школамъ, и неусыпными трудами старался ослаблять въ нихъ предубѣжденія къ училищамъ, устроеннымъ на новыхъ началахъ. Правда, эта борьба была для него не легка, особливо въ Луцкѣ, въ центрѣ

высшей власти латинскаго духовенства, гдѣ такъ много молодыхъ ученыхъ канониковъ, получившихъ образованіе въ виленскомъ университетѣ, «первѣйшемъ въ цѣломъ свѣтѣ университетѣ», по выраженію поляковъ. Въ интимныхъ нашихъ бесѣдахъ мы сознались однако, что только время и терпѣніе, эти вѣрные союзники во всѣхъ человѣческихъ предпріятіяхъ, помогутъ намъ въ головахъ нѣкоторыхъ сословій привить начала русской жизни.

Въ Луцкѣ можно ли оставить безъ вниманія великолѣпный костелъ и архивъ рукописей, ожидающій заботливаго и ученаго разбора!

Изъ Луцка отправились мы въ Локачи, Несвижъ, Торговицу, потомъ чрезъ Доростаи въ Олыку, мѣстечко, принадлежащее князьямъ Радзивилламъ. Здѣшній костелъ великолѣпенъ и надѣленъ огромными фундушами. Пробощъ онаго имѣетъ званіе инфулата, потому что носитъ инфулу и пользуется правами бискупа при священодѣйствіи. За двѣсти лѣтъ тому назадъ, епископъ Заіерскій, въ бытность свою инфулатомъ олыкскимъ, завѣщалъ 70,000 злотыхъ, обезпечивъ эту сумму на имѣніи князя Родзивилла, съ тѣмъ, чтобы основать въ этомъ мѣстечкѣ семинарію и училище для всякихъ сословій. Вслѣдствіе этого завѣщанія князь Радзивиллъ, эрекціею 1638 года 15 апрѣля, основалъ духовно-свѣтское училище въ Олыкѣ, въ которое опредѣлилъ пять учителей: двухъ изъ духовнаго званія, а трехъ свѣтскихъ; они получали содержаніе изъ процентовъ означеннаго капитала. Изъ тѣхъ капиталовъ содержалось еще 8 такъ называемыхъ анколѣтовъ, т. е. готовившихся къ священному сану семинаристовъ. Потомъ олыкскій инфулатъ, Сухинскій, эрекціею (завѣщаніемъ) 1657 года 10 апрѣля записалъ 17,305 злотыхъ для содержанія при немъ 7 семинаристовъ, подъ названіемъ фіалетковъ. Наконецъ ксендзъ Козеровскій въ 1762 году 20 августа пожертвовалъ въ пользу училища 3,000 злотыхъ.

Не взирая на такой значительный фундушъ, училище существовало въ разныхъ формахъ и мало достигало своей цѣли, а иногда и вовсе не существовало. Проценты изъ означенныхъ

суммъ, кажется, употреблялись на другіе предметы, извѣстные только олыкскимъ инфулатамъ. Чацкій во время своего визита, въ 1803 году, сдѣлалъ распоряженіе и условіе объ устройствѣ отдѣльнаго свѣтскаго училища съ двумя учителями. Это училище кой-какъ существовало съ тѣхъ поръ, а съ 1824 года и вовсе его не было. Это обстоятельство озаботило г. министра просвѣщенія, графа Сергія Семеновича Уварова, и это дѣло передано намъ для разслѣдованія.

Прибывши въ Олыку, мы обратились къ инфулату Оссинскому, мужу ученому, острословному, который передъ тѣмъ былъ законоучителемъ въ Кременецкомъ лицеѣ. Онъ принялъ насъ ласково, и мы сдѣлали съ нимъ разсчетъ училищныхъ недоимокъ безъ всякаго ропота съ его стороны и постановили новыя условія о будущемъ существованіи школы,—единодушно, спокойно.

Отсюда мы отправились въ Клевань, гдѣ остановились въ замкѣ, который князь Любомірскій отдалъ для помѣщенія дворянскаго уѣзднаго училища. Училище это должно было открыться въ началѣ наступающаго академическаго года.

По изустному преданію мы узнали, что князья Олыкскіе и Клеванскіе во время существованія Польши держались иногда разныхъ партій на сеймѣ. Вслѣдствіе того существовали между ними распри, оканчивавшіяся по большой части кровопролитною битвою. Замки наполнялись мелкою шляхтою, которая во время вылазокъ нападала на поселенія мирныхъ жителей, грабила имущество ихъ, умерщвляла ихъ, сожигала домы и хлѣбъ на поляхъ ихъ. И это убійство, этотъ грабежъ, эти смуты, производимыя во имя свободы, славили какъ счастливое, блаженное время!...

Въ Клевани мы составили третье денесеніе г. попечителю кіевскаго учебнаго округа по предмету устройства училищъ, осмотрѣнныхъ нами по пути отъ Луцка.

Изъ Клевани мы отправились въ Ровно, городъ, принадлежащій князьямъ Любомірскимъ. Князь принялъ насъ въ загородномъ домѣ своемъ привѣтливо и угостилъ прекраснымъ за-

втракомъ. Потомъ показывалъ намъ огромную оранжерею, устроенную не далеко отъ его прекраснаго дома, который построенъ въ срединѣ города. При этомъ спрашивалъ у насъ мнѣнія, не можетъ ли помѣститься гимназія въ этомъ зданіи, разумѣется съ тѣмъ, что въ немъ будутъ сдѣланы напередъ потребныя передѣлки. Тогда я ему искренно объявилъ, что хотя это зданіе двухъэтажное и каменное, но оно такъ узко, что въ немъ при всѣхъ возможныхъ внутреннихъ перестройкахъ гимназія помѣститься не можетъ. Потомъ совѣтывалъ ему достать планъ и фасадъ, которые недавно Высочайше утверждены вообще для зданій гимназическихъ, и, по разсмотрѣніи разсчитать, выгодно-ли будетъ ему построить такое зданіе, послѣ чего онъ уже можетъ обратиться съ своимъ предложеніемъ къ г. попечителю. Князь, подумавъ нѣсколько, сказалъ, что онъ по первой почтѣ напишетъ къ г. попечителю письмо, въ которомъ изъявитъ желаніе построить въ Ровно такое зданіе, какое пожелаетъ училищное начальство, съ условіемъ помѣстить въ немъ луцкую гимназію, которая теперь тѣснится въ маломъ и неопрятномъ домѣ. А мы обѣщали ему, что, прибывши въ Кіевъ, при явкѣ къ его превосходительству, переговоримъ съ нимъ о томъ подробнѣе. Вотъ начало основанія гимназіи въ Ровно, а окончаніе оной послѣдовало, кажется, чрезъ четыре года потомъ.

Успѣхи наши по устройству школъ были быстры въ Шпановѣ, Острогѣ, Аннополѣ, Корцѣ, Новоградѣ Волынскомъ, Полонномъ и Межирѣчи, потому что не было никакихъ препонъ со стороны владѣльцевъ и еще потому, что мы сами искусились въ этомъ дѣлѣ совершенно. При томъ на всѣ обстоятельства по этому предмету мы имѣли уже готовыя формы.

Такъ-какъ до 25 іюля намъ осталось нѣсколько лишнихъ дней, то мы рѣшились отдохнуть въ Житомірѣ и въ тоже время приготовить четвертое донесеніе къ г. попечителю о нашихъ дѣйствіяхъ.

Здѣсь кстати замѣтить, что житомірская гимназія вошла въ свое дѣло смирно и успѣшно; она не встрѣтила никакого упорства отъ фанатизма къ прежнему порядку; притомъ директоръ гимназіи, Бокщанинъ, какъ туземецъ, немедленно ввелъ въ учебное заведеніе, ему ввѣренное, всѣ обстановки и обыкновенія, пріятныя и обывателямъ. Вслѣдствіе того число воспитанниковъ въ первое полугодіе простиралось до 250 человѣкъ. Помѣщеніе гимназіи было впрочемъ очень-незавидно, даже не благовидно.

Путь нашъ отъ Житоміра до Кіева не имѣлъ никакихъ служебныхъ остановокъ, а потому мы живо промчались чрезъ Радомысль, крѣпко неопрятный городъ, и не опомнились, какъ очутились на послѣдней станціи предъ Кіевомъ, въ Бѣлогородкѣ. Поднявшись на гору, мы увидѣли сперва печерскую колокольню, а потомъ и величавый Кіевъ и его великолѣпные храмы, которыхъ куполы, казалось, горѣли отъ лучей заходящаго солнца. Путь этотъ мы совершили почти въ одни сутки.

При этомъ по неволѣ вспомнилось мнѣ, какимъ гоненіямъ, терзаніямъ подвергалась нѣкогда православная церковь въ странѣ, теперь мною пройденной,—въ странѣ, въ которой она прежде имѣла покойный пріютъ! Глубокія ея раны, при всѣхъ заботахъ правительства нашего, при всей ревности пастырей, еще и теперь не совершенно залѣчены. Молитвенные домы наши, отъ которыхъ въ давнія времена отстали вельможи и зажиточные обыватели, стали бѣднѣть, ветшать: они построены на отдаленныхъ отъ селъ мѣстахъ, часто едва приступныхъ, а въ тоже время латинскіе костелы, великолѣпно сооруженные, съ изваянными украшеніями, оглашаемые мелодіею звучныхъ органовъ, высились гордо на лучшихъ площадяхъ. Латинское духовенство пировало и пируетъ, владѣя и значительными доходами изъ недвижимыхъ имѣній, и процентами изъ капиталовъ, пожертвованныхъ фундаторами костеловъ; а наши кроткіе священники едва-едва могутъ прокормить себя и семейство свое доходами

изъ скромныхъ усадьбъ и мірскихъ подаяній. очень скудныхъ. Тѣ самонадѣянно вступаютъ въ пышные замки магнатовъ и, владѣя ихъ совѣстію, веселятся съ ними и получаютъ сверхъ того все то, что имъ нужно для пріятной, одинокой жизни; а нашимъ священникамъ едва доступны дома владѣльцевъ, и то развѣ только въ дѣловыхъ случаяхъ. Я видѣлъ нашихъ священниковъ, съ набожнымъ чувствомъ вступавшихъ въ костелы, какъ храмы христіанскіе, и молившихся Творцу Всевышнему; но ничто не заставитъ ксендза войти въ православную церковь, которую они называютъ мужицкою, потому что въ ней собирается только простой народъ. Часто я былъ свидѣтелемъ набожныхъ чувствованій православныхъ изъ простаго народа, которые въ костелахъ молятся усердно, даже благоговѣйно повергаются долу и, переплетясь руками одинъ съ другимъ, недвижимо выслушиваютъ цѣлую мшу, но католикъ рѣдко посѣтитъ нашу церковь, и то лишь въ случаяхъ необходимыхъ...

На другой день по прибытіи въ Кіевъ мы явились къ г. попечителю округа съ нѣкоторымъ смущеніемъ и сильнымъ любопытствомъ, какъ онъ приметъ и наши дѣйствія, и наши отчеты по устройству училищъ. Его превосходительство при первой встрѣчѣ объявилъ намъ свою благодарность и нѣсколько разъ повторилъ: «я очень, очень доволенъ вами; отчеты ваши совершенно удовлетворительны; о томъ я говорилъ уже генералъ-губернатору, о томъ я писалъ и дальше». Потомъ приказалъ намъ принять совершенный покой послѣ такихъ непрерывныхъ странствованій и заботъ, впредь до востребованія его.

Здѣсь я снова увидѣлся съ профессорами бывшаго кременецкаго лицея, прибывшими въ Кіевъ вмѣстѣ съ учебными пособіями онаго и помогавшими г. Бокщанину въ путевыхъ заботахъ по этому предмету. Эти учебныя пособія были сложены въ длинномъ каменномъ домѣ, нарочно для того нанятомъ на Печерскѣ.

Послѣ того, какъ я былъ обласканъ г. попечителемъ, подъ вліяніемъ этого отраднаго состоянія души моей, мнѣ блеснула

мысль, вмѣсто того, чтобъ покоиться въ Кіевѣ, испросить у него дозволеніе отправиться на самое короткое время въ Новгородсѣверскъ для устройства перемѣщенія моего семейства въ Каменецъ-Подольскій. Я обратился о томъ къ его превосходительству съ просьбою, присовокупивъ къ тому и долговременную разлуку мою съ семействомъ, и неопытность семейства для такой далекой поѣздки. Г. попечитель милостиво и охотно изъявилъ на то свое согласіе.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Записки Ивана Матвѣевича Сбитнева.

(Изъ времени учрежденія на Волыни и Подоліи, послѣ возстанія 1831 г., русскихъ школъ, въ замѣнъ польскихъ).

(Окончаніе) [1]).

Новгородъ-Сѣверскій.

Боже мой, съ какимъ восторгомъ, съ какою поспѣшностію я собрался въ путь 26 іюля! Я самъ гналъ лошадей, я упрашивалъ гнать лошадей, я платилъ, чтобъ гнали лошадей. Мимо летѣли версты, мелькали города и деревни, а мнѣ казалось, что мы ѣхали такъ медленно, невыносимо медленно, какъ ползутъ черепахи. Нетерпѣніе мое умножалось по мѣрѣ приближенія къ цѣли. И вотъ Десна. И вотъ Новгородъ-Сѣверскъ! Не стану описывать тѣхъ свѣтлыхъ, радостныхъ минутъ въ жизни нашей, которыя рождаются отъ свиданія съ семействомъ, надолго съ нами разлученнымъ, и которыя вполнѣ поймутъ только семейные люди, бывшіе на моемъ мѣстѣ!

Я пріѣхалъ домой 28 іюля, въ самую глухую полночь, а до восхода солнца уже всѣ граждане знали о моемъ пріѣздѣ. Вотъ особенности малыхъ городовъ! Въ нихъ гораздо больше необыкновенныхъ случаевъ, которые въ большихъ городахъ считаются обыкновенными. Тамъ вѣсти летаютъ съ одного конца города въ другой быстрѣе, чѣмъ въ послѣднихъ съ одного дома

---

[1]) См. апрѣльск. кн. „Кіев. Стар." 1887 г., стр. 650—666.

въ другой—сосѣдній. Словомъ, жители въ малыхъ городахъ любопытнѣе, чѣмъ въ большихъ, отъ скуки конечно, отъ нечего дѣлать.

И вотъ, на другой день, нахлынули ко мнѣ родственники, знакомые и бывшіе товарищи мои. Съ какимъ нетерпѣніемъ, съ какимъ настояніемъ они желали знать о далекой, неизвѣстной странѣ, въ которой недавно кипѣли смуты и кровопролитіе. Я началъ разсказъ мой описаніемъ латинскаго богослуженія, а именно съ того момента, когда въ великую субботу, бискупъ каменецкій, въ сопровожденіи всего своего духовенства, обходя костелы, съ благоговѣйнымъ чувствомъ покланялся Распятію на крестѣ, положенномъ среди храма на полу, засланномъ богатымъ ковромъ, какъ онъ потомъ, взошедши въ свой каѳедральный соборъ, облекался въ богатую бискупскую одежду и отправлялъ резуррекцію, при пѣніи канониковъ, клериковъ, громогласныхъ звукахъ органа и звонѣ колокольчиковъ, повѣшенныхъ по разнымъ мѣстамъ костела. Этотъ священный, величественный обрядъ оканчивался не за долго до благовѣста въ православныхъ церквахъ. Я также разсказалъ имъ о моемъ впечатлѣніи, когда въ праздникъ Божія Тѣла бискупъ, въ сопровожденіи всего своего духовевства, «дзядовъ» съ исполинскими свѣчами и безчисленнаго множества жителей, шествовалъ изъ каѳедры на площадь, на которой были устроены, на-крестъ, четыре олтаря, какъ въ то время дѣвицы впереди бискупа несли на многихъ носилкахъ фигуры въ богатыхъ тканяхъ, величиною въ ростъ пятилѣтняго дитяти, фигуры, изображающія Спасителя, Матерь Божію, ангеловъ, апостоловъ и Іоанна Крестителя, какъ къ пѣнію духовенства примѣшивались мелодическіе голоса дамъ, иногда оглушаемые звучною полковою музыкою, слѣдовавшею обыкновенно за священною процессіею.

Съ большимъ вниманіемъ мои родные и знакомые слушали мой разсказъ о любопытномъ каменецкомъ бульварѣ, вырубленномъ на каменномъ утесѣ съ великимъ трудомъ и значительными издержками. Ихъ крайне удивило, когда я пояснилъ имъ, что на этомъ камнѣ успѣли вырастить порядочнаго роста липы

и, сверхъ того, развести отличные цвѣтники и затѣйливыя рощи изъ кустарниковъ и деревъ, что самый утесъ, тѣ наклонныя скалы, на которыхъ невозможно стать ногою, чтобы не упасть въ пропасть, постепенно уменьшаясь, превращались мало по малу въ прелестныя дорожки, обсаженныя тополями, и что со временемъ каменецкіе охотники до гуляньевъ, разными зигзагами, обсаженными деревьями, не чувствительно, даже съ пріятностію, будутъ спускаться въ пропасть, по которой течетъ р. Смотричь..... Къ этому я добавилъ, что бульваръ ежедневно, въ вечернее время, оживлялся многочисленными посѣтителями и украшался ловко разодѣтыми дамами, ихъ стройною и легкою походкою.

Воспоминалъ я также и о томъ, что было для насъ и смутное время, а особливо въ половинѣ мая 1833 года, когда пронеслась ужасная молва, что Дверницкій съ десяти-тысячнымъ отрядомъ изъ Галиціи стремился ворваться въ Каменецъ и завладѣть его замкомъ и государственною казною. Вслѣдствіе того собрана была въ городъ вся внутренняя стража изъ окрестныхъ деревень и усилены караулы и ночью обходы. Въ то время бульваръ опустѣлъ, торговля прекратилась, но за то трактиры и многіе дома наполнились множествомъ молодыхъ людей, прибывшихъ изъ разныхъ мѣстъ Подоліи, которые веселились, пировали, непомѣрно шумѣли. Такъ было грустно, не пріятно около двухъ недѣль! Потомъ молодые люди разъѣзжались, бульваръ и торговля оживились, и сумрачныя тѣни нашего воображенія разсѣялись..... Говорили, что Австрія сама управилась съ мятежниками.....

Могъ-ли я умолчать о привѣтливости и гостепріимствѣ поляковъ, о прекрасныхъ корчмахъ, въ которыхъ во всякое время можно найти покойный пріютъ и сытный обѣдъ и которыя устроены на всѣхъ проселочныхъ дорогахъ! Словомъ, въ Новгородѣ-Сѣверскомъ были для меня и время и предметъ для моихъ разсказовъ о странѣ, которую позволила мнѣ судьба узнать подробно въ продолженіи осмимѣсячнаго моего въ ней пребыванія.....

Сборы мои въ дорогу были не продолжительны и коротки, потому что чиновники учебнаго вѣдомства обыкновенно имѣютъ не многосложное достояніе. И такъ 15 августа я былъ уже въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ моимъ семействомъ.

Кіевъ.

Чрезъ три дня семейство мое одно отправилось въ дальнѣйшій путь въ Каменецъ-Подольскій, а мнѣ и г. Мицкевичу поручено заняться разборомъ дѣла о немировскомъ училищѣ, для чего препровождена была къ намъ огромная связка бумагъ, писанныхъ на польскомъ языкѣ Это дѣло поручено было сперва подольскому почетному попечителю, Држевецкому и префекту кременецкаго лицея Бокщанину, которые еще въ іюнѣ мѣсяцѣ ѣздили для того въ Немировъ. Проживши тамъ напрасно болѣе двухъ недѣль и потерявши терпѣніе отъ уловокъ тамошняго адвоката, они возвратили это дѣло попечителю не исполненнымъ, донесши при томъ, что оно, по причинѣ запутанности своей, по ихъ мнѣнію, совершенно не разрѣшимо.

Дѣло состояло въ слѣдующемъ. Графъ Феликсъ Потоцкій, онъ-же Щенсный, назначилъ ежегодную уплату съ каждой ревизской души своихъ крестьянъ по 5 коп. ассигн., съ тѣмъ, чтобъ устроить уѣздное училище о 6-ти классахъ въ Немировѣ. Пмѣніе его находилось въ кіевской и подольской губерніяхъ. Чацкій, принявши это обязательство, передалъ оное эдукаціонной коммисіи, которая немедленно препроводила въ кіевскую гражданскую палату на утвержденіе, о чемъ увѣдомлена была и подольская гражданская палата. Словомъ, приняты были всѣ надлежащія мѣры для огражденія законности акта. Спустя нѣсколько времени, графъ Феликсъ умеръ, а имѣніе его, съ лежащимъ на немъ обязательствомъ, поступило во владѣніе наслѣдниковъ его. Прошло много времени; наслѣдники ни денегъ не вносили по этому обязательству въ эдукаціонную коммисію, ни мѣръ не принимали къ устройству училища въ такой степени, какъ дозволяли средства. Вслѣдствіе этой неустойки, эдукаціонная коммисія, уставши отъ безполезной переписки съ

наслѣдниками, вошла въ переписку съ губернскими правленіями: кіевскимъ и подольскимъ, прося ихъ распоряженія какъ о взысканіи съ Потоцкихъ прежнихъ недоимокъ, такъ и о побужденіи ихъ къ исполненію обязательствъ, сдѣланныхъ графомъ Феликсомъ, и на будущее время. Земскія полиціи, по настоянію означенныхъ правленій, переписывались съ главною экономіею, которая была въ Немировѣ, часто туда пріѣзжали, настаивали на исполненіи условій и получали только хитрые отзывы тамошняго уполномоченнаго. Эти отзывы, какъ водится, возвращались обратнымъ путемъ въ эдукаціонную коммиссію, съ умышленнымъ замедленіемъ и со свѣденіями о чрезвычайной трудности къ исполненію. Эдукаціонная коммиссія вступила въ переписку уже съ казенными палатами для того, чтобы сперва привести въ извѣстность число ревизскихъ душъ въ бывшемъ имѣніи графа Феликса, а потомъ уже приступить къ дальнѣйшимъ мѣрамъ. Казенныя палаты прислали въ коммиссію требуемое расчисленіе, но уѣздныя казначейства представили другое расчисленіе, совершенно несогласное съ первымъ. Въ свою очередь немировская экономія жаловалась кіевскому военному губернатору, что казенныя палаты и уѣздныя казначейства сдѣлали расчисленіе крестьянъ совершенно не вѣрно, что число ихъ по экономическимъ книгамъ совсѣмъ другое, но какое, о томъ умолчала. Все это снова поступило на разсмотрѣніе эдукаціонной коммисіи. Пошли снова повѣрки, вкрадывались снова невѣрности въ числахъ и возникали снова жалобы. Между тѣмъ, одни члены эдукаціонной коммиссіи замѣнялись другими, новыми, которымъ нужно еще было время, чтобы присмотрѣться къ дѣламъ вообще, а потомъ уже приступать къ рѣшенію. Такъ дѣло о фундушахъ немировскаго училища тянулось долго, накоплялось, возросло до громадныхъ размѣровъ и наконецъ дождалось нашего разбора.

Я нарочно вошелъ въ подробное описаніе всѣхъ переписокъ, возникшихъ при производствѣ этого дѣла, затѣмъ, чтобы показать образчикъ ловкости тамошнихъ адвокатовъ, ихъ умѣніе выставить себя необходимыми въ глазахъ туземныхъ помѣ-

щиковъ, которые не знали ни русскихъ законовъ, ни языка. И, Боже мой, какой русскій языкъ эти адвокаты употребляли при своихъ перепискахъ! Это смѣсь нелѣпостей, умноженныхъ на нелѣпость. А между тѣмъ случались примѣры, что они умышленную путаницу, вздоръ, употребляли въ свою пользу и, въ случаѣ улики, извинялись незнаніемъ языка. Такимъ образомъ дѣло пускалось въ проволочку, а эта проволочка иногда помогала имъ и выигрывать дѣла, и наживать деньги.

Въ теченіи сентября мѣсяца мы окончили это запутанное дѣло, отдѣливши сущность его отъ плутней, составили о немъ докладную записку, съ изложеніемъ проэкта, какъ удобнѣе взыскать недоимки и побудить наслѣдниковъ къ исполненію въ будущемъ своихъ обязательствъ. Г. попечитель эту записку представилъ на усмотрѣніе г. министру просвѣщенія. Какъ скоро наслѣдники графа Феликса узнали, что продѣлки адвокатовъ ихъ ни къ чему уже не поведутъ и не помогутъ ослабить законность акта и правильность отъ того выводовъ, то рѣшились наконецъ приступить къ мировымъ сдѣлкамъ съ г. попечителемъ кіевскаго учебнаго округа. Главныя статьи этого условія были слѣдующія: 1-е) устроить въ Немировѣ такой домъ, чтобы въ немъ могли помѣститься гимназія, директоръ, инспекторъ и всѣ учители; 2-е) наслѣдники принимаютъ на свой счетъ содержаніе всего дома, отапливаніе его и прислугу, и 3-е) принимаютъ также уплату жалованья всѣмъ чиновникамъ съ дополненіемъ отъ казны только трехъ тысячъ рублей серебромъ. Чрезъ три года потомъ послѣдовало открытіе немировской гимназіи, и первымъ директоромъ оной, по желанію владѣльца, былъ коллежскій совѣтникъ Миладовскій.

Послѣ говорили мнѣ, что эта мировая сдѣлка, по случаю устройства общихъ ученическихъ квартиръ, получила нѣкоторыя измѣненія.

Дѣятельность попечителя въ это время была изумительна. Независимо отъ занятій своихъ по канцеляріи, онъ ежедневно посѣщалъ гимназію, уѣздное училище на Подолѣ и два приходскія училища, а эти учебныя заведенія, кому извѣстно мѣсто-

положеніе Кіева, отстоятъ одинъ отъ другаго на нѣсколько верстъ; поспѣвалъ къ обѣду воспитанниковъ благороднаго пансіона и школы землемѣровъ, чтобъ узнать, какъ и какія изготовлены блюда; въ то же время назначалъ у себя свиданіе нѣсколькимъ чиновникамъ, которымъ или отдавалъ новыя приказанія, или выслушивалъ то, что они уже сдѣлали; собиралъ у себя извѣстныхъ ему чиновниковъ для составленія педагогическихъ совѣщаній о разныхъ предметахъ, въ особенности о мѣрахъ къ успѣшному движенію наукъ во всѣхъ подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеніяхъ, въ числѣ какихъ мѣръ на этихъ совѣщаніяхъ родилась мысль о введеніи параллельныхъ классовъ въ учебныя заведенія; ежедневно посѣщалъ лицеальные кабинеты, наблюдалъ за постановкою въ нихъ предметовъ, даже на первый разъ самъ распоряжался разстановкою мебели въ гимназіи, для того, чтобъ учителю можно было удобнѣе обозрѣвать воспитанниковъ въ классѣ; придумалъ занятія бывшимъ профессорамъ кременецкаго лицея: Мѣховичу въ школѣ землемѣровъ, Якубовичу, Абламовичу, Гречинѣ и Плансону въ гимназіи; собственноручно писалъ инструкціи чиновникамъ, которыхъ отправлялъ въ виленскій университетъ для доставленія тамошнихъ учебныхъ пособій въ Кіевъ, и пр., и пр. Его неутомимая дѣятельность побуждала къ дѣятельности другихъ: всѣ суетились, работали весело, охотно, слѣдовательно успѣшно, потому что были увѣрены, что труды ихъ были извѣстны ему.

Кременецъ.

Г. попечитель поторопилъ насъ къ выѣзду изъ Кіева съ тѣмъ, чтобы мы снова продолжали наши занятія по устройству училищъ на Волыни. Профессоръ Мицкевичъ отправился прямо въ Кременецъ, я же, съ дозволенія его превосходительства, заѣхалъ прежде въ Каменецъ-Подольскій, желая сколько нибудь помочь моему семейству въ устройствѣ домашняго быта.

Въ Кременецъ я прибылъ 28 октября, пробираясь отъ Ланцкорона по проселочной дорогѣ, лежащей параллельно и близко австрійской границы, причемъ не рѣдко казачьи разъѣзды оста-

навливали меня и осматривали, нѣтъ ли со мною контрабанды. Г. Мицкевичъ уже съ недѣлю ожидалъ меня въ Кременцѣ. Съ пріѣздомъ моимъ, мы снова занялись разборомъ училищныхъ дѣлъ и выпискою изъ нихъ. Эта работа, скучная и заботливая, заняла насъ цѣлый мѣсяцъ.

Съ отъѣздомъ профессоровъ въ Кіевъ, умчались и всѣ лица, которыя были соприкосновенны лицею, а въ замѣнъ ихъ въ Кременцѣ водворились мертвенная тишина, скука и нищета. Бывало, въ большихъ домахъ кипѣли увеселенія аристократовъ, а домики и самыя отдаленныя лачуги были набиты биткомъ воспитанниками лицея, содержателями магазиновъ, торговцами и мастеровыми. Теперь всѣ лицеальные готическіе «муры» (зданія), которые ежедневно посѣщало до 700 воспитанниковъ, и всѣ почти лучшіе дома опустѣли, и только корчмы, наполненныя жидами, обнаруживаютъ еще, что Кременецъ не совершенно безлюденъ. Эти жиды, во время существованія лицея, живали изобильно; торговля, факторство и контрабанда доставляли имъ червонцы, богатую одежду, выгоды домашнія. Теперь они или сидятъ въ корчмахъ и охаютъ отъ недостатка, или толпами сходятся на лицеальную площадь вспоминать о быломъ, золотомъ вѣкѣ Кременца. Бывало, не легко найти выгодную квартиру за очень дорогую цѣну, а теперь каменные, огромные дома въ нѣсколько ярусовъ, съ фруктовыми садами, украшенными тополями и колоссальными деревьями волошскихъ орѣховъ, продаются за баснословно дешевую цѣну, за три, даже двѣ тысячи рублей серебромъ. Бывало, воспитанники лицея, цвѣтущіе молодостію, упоенные самодовольствіемъ, богатые, собирали своихъ товарищей и, пируя, строили воздушные замки, мечтали возстановить Польшу, возродить счастье страны, блистать въ свѣтѣ, въ совѣтахъ, создать науку, воскресить литературу.... Бывало, по лицеальному «огроду», т. е. ботаническому саду, красивыми группами мелькали юныя польки, одѣтыя въ дорогія ткани ліонскихъ фабрикъ, наполняя воздухъ веселымъ лепетомъ, смѣхомъ и благовоніями, и бросали меткіе, огненные взгляды на статную и ловкую молодежь. Бывало, въ богатыхъ магази-

нахъ блестѣло золото, серебро, бронза, ослѣпляли дорогія ткани, произведенія Востока. Съ переводомъ лицея въ Кіевъ все исчезло, какъ сновидѣнье, и изъ Аѳинъ Волыни Кременецъ сталъ лишь уѣзднымъ городомъ волынской губерніи.

Можно себѣ представить, какому грустному одиночеству, въ продолженіе мрачнаго ноября, мы подвергались въ Кременцѣ, гдѣ ноябрь несравненно мрачнѣе, чѣмъ гдѣ либо. Утомясь отъ дѣловыхъ выписокъ, скучныхъ, запутанныхъ, и наглотавшись протухлой пыли, которою проникнуты архивныя дѣла, мы разнообразили наше тамъ пребываніе только тѣмъ, что выходили на лицеальную площадку подышать воздухомъ, или, спотыкаясь, бродили по улицамъ, прежде грязнымъ, а потомъ взборожденныхъ ноябрьскимъ морозомъ.

Въ Кременцѣ мы узнали, что всѣ лицеальныя зданія уступлены православному духовенству для помѣщенія въ нихъ духовной семинаріи, которая до этихъ поръ, какъ я уже сказалъ выше, помѣщалась въ мѣстечкѣ Аннополѣ, острожскаго уѣзда. Такимъ образомъ семинарія, ставъ ближе къ жилищу преосвященнаго, лучше сохранитъ православіе въ своихъ воспитанникахъ, удалитъ отъ нихъ вліяніе туземныхъ обычаевъ, пріемовъ, симпатій и языка, который мало по малу усиливался, особенно между нашимъ духовенствомъ. Дѣйствительно, я былъ неоднократно очевидцемъ, что священники наши и въ домахъ своихъ, и въ личныхъ сообщеніяхъ между собою говорили на польскомъ языкѣ; даже видѣлъ примѣры, что и переписка между ними велась на этомъ же языкѣ. Родное русское начало вкрадывалось въ это сословіе только вліяніемъ двухъ, или трехъ лицъ изъ высшаго духовенства, слѣдовательно незамѣтными атомами.

29 ноября мы совершенно окончили наши извлеченія изъ дѣлъ эдукаціонной коммисіи и донесли попечителю о томъ, что я принялъ мѣстный обзоръ приходскихъ училищъ въ уѣздахъ: дубенскомъ, луцкомъ, владимірскомъ, ковельскомъ, острожскомъ, ровенскомъ, новоградъ-волынскомъ и овручскомъ, а Мицкевичъ предоставилъ себѣ для той-же цѣли уѣзды: кременецкій, староконстантиновскій, заславльскій и житомирскій. Пунктомъ соеди-

ненія мы назначили Житоміръ и въ тотъ же день разъѣхались по своимъ участкамъ. Ни снѣгъ, ни дождь, чередовавшіеся въ одинъ день по нѣсколько разъ, не остановили насъ отъ такой рѣшимости. Такъ надоѣлъ намъ Кременецъ!

Кіевъ.

Въ одни сутки приплылъ я въ Луцкъ, въ сопровожденіи дождя и снѣга, которые очень много прибавили вѣсу къ моей верхней одеждѣ. Если Луцкъ въ самое жаркое лѣтнее время бываетъ грязенъ, начиная отъ жилища бискупа почти до каѳедральнаго костела, то можно себѣ вообразить, въ какомъ грязномъ, неопрятномъ видѣ представлялся Луцкъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, сыромъ и дождливомъ. Грязь, по самому вѣрному измѣренію, была по колѣни; домы раскисли, жалки, казалось, плачутъ, а валъ бывшей крѣпости часъ отъ часу распадался, являя взору кое-гдѣ исковерканный дернъ, пріятное время-препровожденіе нѣкоторыхъ животныхъ, употребляющихъ обыкновенно вмѣсто лапъ рыло.

Я вторично отдохнулъ и душею и тѣломъ, обмѣнявшись искреннею бесѣдою съ Кулжинскимъ. Бывши въ Кременцѣ, я цѣлый мѣсяцъ или молчалъ, или отмалчивался, считая невѣжливостію, даже жестокостію часто напоминать людямъ объ ихъ безразсудствѣ; а эта осторожность, затаенность душевныхъ помысловъ сильно тяготила, даже изнурила меня. Въ Кременцѣ мнѣ было нравственно холодно, какъ будто ледяная струя воздуха обдавала душу мою, скажу больше, мнѣ какъ то страшно было въ этомъ городѣ...

На другой день я снова представился бискупу Пивницкому затѣмъ, чтобы узнать, какія онъ сдѣлалъ распоряженія о взысканіи съ пробощей денегъ, принадлежащихъ разнымъ приходскимъ училищамъ, и о количествѣ которыхъ мы еще изъ Клевани, въ іюлѣ мѣсяцѣ, препроводили къ нему подробную вѣдомость. Его преосвященству угодно было показать мнѣ всю переписку по этому предмету, и онъ обѣщалъ, взыскавши немедленно, отправить эти деньги въ Кіевъ, въ лицеальное казначей-

ство. Бискупъ Пивницкій служилъ въ римско-католической коллегіи, въ Петербургѣ, гдѣ въ долговременное свое пребываніе замѣтилъ особенную способность у русскихъ —построеніе красивыхъ домовъ однимъ топоромъ и фабрикацію превосходныхъ картъ для игры, и только ...

Изъ Луцка я отправился по владимірской дорогѣ и ночевалъ въ Локачахъ, гдѣ, вслѣдствіе извѣстія о нашемъ визитѣ, было уже все приготовлено къ открытію училища, а именно: домъ выбѣленъ внутри и снаружи, полы вымыты, скамьи окрашены и такимъ образомъ порядочно меблированное жилище ожидало только учителя, или, какъ тамъ обыкновенно называютъ, пана директора, пана профессора. И подлинно, одинокому человѣку, который еще не былъ избалованъ честолюбіемъ и прихотями, эта должность доставляетъ приличное содержаніе. Онъ имѣетъ просторное помѣщеніе, огородъ прокормитъ его зеленью, овощами и плодами, ибо онъ обязанъ заводить садъ, для примѣра крестьянамъ; имѣетъ свое молоко, которое приноситъ ему корова, получающая кормъ изъ училищнаго сѣнокоса; поле доставляетъ ему въ изобиліи хлѣбъ; 600 злотыхъ даютъ ему средства для пріобрѣтенія предметовъ нѣсколько прихотливыхъ. Къ тому же, родители воспитанниковъ, въ знакъ благодарности, обсылали его разною провизіею, а иные приглашали его на все вакаціонное время и не даромъ. Такимъ образомъ приходскій учитель не только удовлетворялъ этими доходами всѣмъ своимъ потребностямъ, но были примѣры, что онъ составлялъ еще значительный капиталъ для будущаго времени. Во многихъ училищахъ, особенно при монастыряхъ, участь приходскихъ учителей еще лучше обезпечена.

Изъ Локачей я отправился въ Порицкъ. Съ чувствомъ особеннаго любопытства еще издали взглянулъ я на высокіе куполы порицкаго костела и потомъ въѣхалъ въ это мѣстечко, принадлежавшее Тадеушу Чацкому. Квартира назначена была мнѣ у каноника Шевалье, глубокаго старца, бывшаго французскаго эмигранта, который въ девяностыхъ годахъ прошедшаго столѣтія сохранилъ свою голову отъ гильотины и нашелъ на

Волыни роскошный пріютъ. Ни лѣта, ни прошедшія бѣдствія не лишили этого бывшаго аббата любезности, живости и гостепріимства. Отъ него то я узналъ, что въ октябрѣ мѣсяцѣ урна, въ которой заключено было сердце Чацкаго, перенесена изъ кременецкаго лицея въ порицкій костелъ. Этотъ печальный обрядъ сопровождали и стройные ряды латинскаго духовенства, и множество окрестныхъ владѣльцевъ, съѣхавшихся для того, чтобы почтить память покойника. Сынъ и единственный наслѣдникъ его вотчины разсудилъ, что съ перенесеніемъ лицея въ Кіевъ сердце отца его можетъ успокоиться только въ порицкомъ костелѣ...

Я познакомился съ сыномъ Чацкаго, молодымъ, образованнымъ человѣкомъ, охотно изъявившимъ согласіе на немедленное открытіе училища въ Порицкѣ. Каменный домъ, красивый, просторный, назначенный для этого предмета, уже совершенно отдѣланъ. Въ искренней бесѣдѣ нашей онъ сознался, что заботы отца его, которыя онъ употреблялъ для образованія края, разорили какъ его собственное имѣніе, такъ и имущество прочихъ владѣльцевъ. При томъ, продолжалъ онъ, чрезъ него на всѣхъ почти имѣніяхъ лежитъ тягость, приводящая помѣщиковъ иногда къ затруднительному состоянію. Частныя взысканія и секвестры возбуждаютъ у нихъ не благословеніе отцу моему, но роптотъ, порицаніе, а можетъ быть и клятвы.

Въ Порицкѣ дали мнѣ лошадей для проѣзда въ мѣстечко Гороховъ, къ бывшему польскому сенатору Стройновскому, который во время смутъ послѣдней революціи удалился въ Галицію. Меня приняла привѣтливо его супруга, почтенная и образованная дама, и безъ всякаго прекословія изъявила готовность къ открытію въ мѣстечкѣ училища. Назначеніе учителя возложила на волю училищнаго начальства. При этомъ случаѣ она съ горестію воспоминала о бывшихъ смутахъ въ 1830 г., заставившихъ мужа ея удалиться въ Галицію. Молодежь польская, ворвавшись въ домъ ихъ, требовала отъ хозяина денегъ и гостепріимства; онъ не могъ отказать ни въ томъ, ни въ другомъ, потому что его лишили-бы жизни, какъ измѣнника

отчизнѣ. «Вотъ и все преступленіе мужа моего, навлекшее на него подозрѣніе иѣстной полиціи!» заключила она. Въ отвѣтъ я ей сказалъ: правительство наше милостиво и справедливо, оно разобрало бы проступокъ вашего супруга, невольный, вынужденный страхомъ, и потомъ возвратило бы ему всѣ права и свободу; а бѣгство за границу и уклоненіе его отъ суда усиливаетъ только подозрѣніе правительства, а слѣдовательно и увеличиваетъ его отвѣтственность предъ нимъ.

Оттуда я отправился въ Селецъ, мѣстечко принадлежащее Феликсу Чацкому, родственнику Тадеуша. Этотъ почтенный помѣщикъ, съ аристократическими манерами, очаровалъ меня и большою начитанностію, и опытною наглядностію въ свѣтѣ. Онъ много путешествовалъ по Европѣ и потомъ проживалъ на Волыни, съ упованіемъ, что въ мірѣ все идетъ къ лучшему. Но Дверницкій, ворвавшійся съ девяти-тысячною ватагою своею въ его вотчину Боремль, заставилъ его уйти въ Галицію, затѣмъ, чтобы избѣжать невольнаго участія въ смутахъ. Вслѣдствіе того имѣніе его было конфисковано. Однако, по зову правительства, онъ явился въ Кіевъ къ суду и былъ, какъ должно, оправданъ, съ возвращеніемъ ему всего имущества. Впрочемъ жена его съ тѣхъ поръ не могла еще поправиться въ здоровьи, разстроенномъ сильными душевными потрясеніями отъ бывшихъ событій. Сдѣлки мои съ нимъ объ устройствѣ въ Сельцѣ парафіальной школы окончены съ возможною скоростію, въ чемъ намъ помогъ бывшій начальникъ клеванскаго училища, Риндинскій.

Скоро окончились мои служебныя дѣла въ Устилугѣ, Турійскѣ, Ратномъ, Ковлѣ и я, измученный постоянными разъѣздами, въ гнилую зиму, спѣшилъ отдохнуть въ Голобахъ, у Вильги, молодаго, образованнаго человѣка, воспитывавшагося въ кременецкомъ лицеѣ. Онъ разсказалъ мнѣ драматическое приключеніе, случившееся съ нимъ въ глубокую осень 1830 г. Вотъ, сидитъ онъ одинъ въ домѣ, ночью, погруженный въ думу: что предпринять ему въ это смутное время? Остаться-ли дома, или выѣхать хоть въ Житоміръ, хоть въ Кіевъ? Въ первомъ

случаѣ сволочь, предводительствуемая Дверницкимъ, о приближеніи котораго въ Кіевѣ уже носилась молва, принудитъ его принять участіе въ смутахъ; а во второмъ она сожжетъ домъ и деревню его, какъ измѣнника отчизны, если узнаетъ о его бѣгствѣ. Среди этихъ размышленій, внезапно налетѣла на дворъ его толпа всадниковъ, разставила на всѣхъ выходахъ дома караулъ и вошла шумно, неистово къ нему въ залу. То были всѣ его лицеальные товарищи, въ нетрезвомъ видѣ, вооруженные съ ногъ до головы. Вильга наружно обрадовался ихъ посѣщенію, но внутренно былъ въ сильномъ смущеніи, догадываясь, что они прибыли къ нему, вѣроятно, съ цѣлью взять его въ ряды свои. И онъ не ошибся, потому что предложеніе было сдѣлано немедленно:

— Вильга, готовься съ нами, на защиту отчизны!

— Охотно, паны, сказалъ онъ имъ въ отвѣтъ, но сперва позвольте мнѣ угостить васъ, товарищи!

И вотъ сталъ онъ распоряжаться угощеніемъ, разсчитывая въ то же время, что въ самомъ разгарѣ пира можно будетъ какъ нибудь улизнуть отъ мятежниковъ. Но двое изъ гостей его по очереди слѣдили за нимъ съ пистолетами въ рукахъ. И разъ, въ часы искреннихъ изліяній бесѣды, они открыли ему свои подозрѣнія такими словами:

— Напрасно, панъ, заботишься отдѣлаться этимъ отъ насъ; не прогнѣвайся, панъ, если, при первой твоей попыткѣ къ побѣгу, или влѣпится въ твое тѣло десять пуль, или будешь тутъ-же въ залѣ повѣшенъ.

Вильга догадался, что съ нетрезвыми гостями шутить неловко, сталъ просить у нихъ не много времени, чтобы собрать денегъ и отдать приказъ по управленію имѣніемъ, прибавивъ, что тогда уже будетъ готовъ къ ихъ услугамъ. Мятежники, при этомъ отзывѣ Вильги, приступили къ нему съ остервененіемъ; одни кричали: повѣсить его, врага отчизны, другіе: разстрѣлять его! Одинъ, самый неистовый, навелъ даже пистолетъ прямо въ грудь Вильги и спустилъ замокъ; но къ счастію кремень осѣкся. При этомъ хозяинъ вскричалъ:

— Паны! Успокойтесь! Неужели я менѣе васъ люблю свою отчизну и не желаю ей счастія? У меня теперь нѣтъ денегъ. Не вѣрите?..... вотъ ключи! Ищите, гдѣ хотите: не найдете болѣе десяти червонцевъ. Найдете больше, тогда можете умертвить меня. Чтоже я буду дѣлать безъ денегъ, безъ вооруженной прислуги?

Такая энергическая рѣчь хозяина остановила мятежниковъ. Поставивъ стражу надъ нимъ, они стали дѣлать розыски по всѣмъ шкатулкамъ, комодамъ, столамъ и кладовымъ: нашли и деньги, но мало! Стало быть, хозяинъ правъ. Тогда велѣли ему призвать прикащика въ свое присутствіе, внимательно слѣдили за миною, за распоряженіями хозяина.

— Паны, ура! воскликнулъ потомъ Вильга; бокалы шампанскаго!

Снова пиръ закипѣлъ и продолжался около двухъ дней. Опьянѣлые гости, откинувъ въ сторону всякое подозрѣніе, стали уже убѣждаться въ искренности хозяина и ослабили надзоръ за нимъ; онъ этимъ воспользовался и ушелъ чрезъ паркъ, гдѣ, по догадливости его лакея, въ скрытномъ мѣстѣ, еще заблаговременно была приготовлена пара верховыхъ лошадей.

Переодѣвшись въ простую одежду, Вильга шатался потомъ двѣ недѣли въ окрестности, подвергаясь ежеминутно опасности встрѣтиться съ шайкою мародеровъ. Наконецъ, въ одной корчмѣ отъ жида узналъ онъ, что боремльская битва окончилась не въ пользу Дверницкаго, что этотъ генералъ всякой сволочи ушелъ за границу. Вильга сдѣлалъ повѣрку въ другомъ и третьемъ мѣстѣ: одна и таже вѣсть. Тогда Вильга воротился въ Голобы, а за нимъ вслѣдъ явилась и земская полиція, которая провѣдала уже о наѣздѣ къ нему вооруженныхъ людей, двухъ-дневномъ ихъ пированіи, двухъ-недѣльномъ отсутствіи владѣльца... и караулила его. Чрезъ три мѣсяца потомъ военный судъ оправдалъ его.

И такъ, закончилъ свой разсказъ Вильга, справедливо, что въ смутное время событія въ своемъ стремленіи увлекаютъ и

людей спокойныхъ, преданныхъ законному порядку и не одобряющихъ безумныхъ предпріятій своихъ родаковъ, и тѣмъ накликаютъ на нихъ бѣды, разоренія и страданія.

Вильга, по причинѣ разстроеннаго своего состоянія, при разсчисленіи недоимокъ по училищу, сдѣлалъ ко мнѣ отзывъ о томъ, чтобы часть недоимокъ, числящихся на немъ, употребить на починку дома и устройство училищной мебели, а остальную простить. О томъ-же ходатайствовалъ у меня и почетный попечитель волынской гимназіи, камергеръ Скибицкій, въ бытность мою у него въ деревнѣ Вербѣ. Все это я представилъ на благоусмотрѣніе г. попечителя. Послѣдствія мнѣ неизвѣстны.

Отъ Голобовъ, по проселочнымъ дорогамъ и чрезъ дремучіе боры, пробрался я въ Седлецъ, скоро очутился на большой дорогѣ такъ, что Владиміръ остался за мною ужъ въ 7 верстахъ назади, и потомъ чрезъ Луцкъ, также проселкомъ, прибылъ вторично въ Клевань, мѣстечко, о которомъ я уже упоминалъ прежде.

Здѣсь я узналъ, что г. попечитель приказалъ перемѣстить луцкую гимназію въ Клевань, а клеванское уѣздное училище въ Луцкъ. Въ Клевани также узналъ я и о томъ, что къ луцкой гимназіи присоединенъ огромный фундушъ доктора медицыны Лернета, который завѣщалъ, чтобы на проценты сего капитала воспитывались ежегодно четыре воспитанника изъ волынянъ и тѣмъ изъ нихъ, которые окончатъ успѣшно курсъ наукъ въ этой гимназіи, выдавать сверхъ того каждому единовременно по три тысячи рублей серебромъ.

Уже настало 15-е декабря, но вмѣсто снѣга, на мою бѣду, лилъ постоянно дождь. Въ это-то ненастное время я проѣхалъ Деражно, Степань и Бережницу, гдѣ окончилъ довольно успѣшно всѣ мои обязанности по устройству въ нихъ училищъ.

На возвратномъ пути моемъ въ городокъ Степань сперва небо заволоклось снѣжными тучами, потомъ пошелъ снѣгъ, и вѣтръ, усиливаясь мало по-малу, произвелъ сильную вьюгу. Эта пурга заставила меня переждать цѣлый день въ Степани,

доставила мнѣ пріятнѣйшее знакомство съ графомъ Вурцелемъ, владѣльцемъ города Степани. Согбенный лѣтами графъ и его супруга великодушно переносили свое одиночество, въ которое повергли проступки дѣтей ихъ, вовлеченныхъ, по легкомыслію, въ недавнія смуты. Боже мой! буйныя головы, промотавшія все свое достояніе и желавшія мятежомъ противъ законнаго порядка или поправить свое состояніе, или насытить свое честолюбіе, сколько семействъ ввергли въ невыносимыя горести, отторгнувъ отъ нихъ или отцевъ, или сыновей, или супруговъ!....

Изъ Степани, чрезъ мѣстечко Казиміровку, я по санной дорогѣ прибылъ въ Ровно, вечеромъ, въ самый сочельникъ, предъ праздникомъ Рождества Христова. Признаюсь, послѣ осеннихъ поѣздокъ въ ненастье, ѣзда по зимней дорогѣ, сухой, не трудъ, а отдохновеніе! Князь Любомірскій, узнавши о моемъ пребываніи въ Ровно, просилъ меня къ себѣ провести цѣлый день. Однако, я уклонился отъ этого приглашенія, желая успокоиться въ чистой и теплой корчмѣ; безпрестанныя поѣздки, частыя перемѣны мѣстъ, лицъ, принужденность при форменныхъ свиданіяхъ съ ними, до того утомили меня, что я почелъ для себя самымъ большимъ наслажденіемъ уединеніе. Въ корчмѣ, въ которой я остановился, очень усердно прислуживалъ мнѣ молодой еврей, довольно бойкій и сметливый. Онъ дешево взялъ съ меня за труды, за то эта дешевизна стоила мнѣ весьма дорого, потому что онъ самъ себя наградилъ за свои услуги, тайно утащивъ часть моей одежды изъ чемодана въ то время, когда я весь почти день провелъ во снѣ.

Мигомъ пролетѣлъ я Шпаковъ, Корецъ, мѣстечко, извѣстное фабрикою фарфоровой посуды, Новоградъ-Волынскій, Овручь, бывшую столицу древлянъ, оттуда чрезъ Новоградъ прибылъ въ Житоміръ 30-го декабря. А это разстояніе не бездѣлица! оно составляетъ только 300 верстъ. Какъ? спросятъ меня, проѣхать 300 верстъ и о томъ сказать только нѣсколько словъ? Неужели на такомъ огромномъ разстояніи не встрѣтилось ничего любопытнаго, ничего новаго? Въ отвѣтъ такимъ вопроша-

телямъ доложу только, что не берусь разсуждать о причинѣ тому, ни объяснять той апатіи, того утомленія душевнаго, того отсутствія всякой наблюдательности, которыя завладѣли всѣмъ моимъ существомъ, особенно при концѣ моихъ странствованій. Помню только то, что все мнѣ надоѣло; знаю только то, что едва ли не всѣ дѣятели при концѣ своихъ дѣйствій спѣшатъ и скучаютъ....

Первымъ моимъ дѣломъ въ Житомірѣ было справиться, гдѣ квартируетъ г. Мицкевичъ, съ которымъ для свиданія назначилъ я этотъ городъ. Инспекторъ гимназіи Македонскій увѣдомилъ меня, что мой товарищъ уѣхалъ въ Кіевъ еще вчера, чтобъ успѣть проститься съ г. попечителемъ, спѣшившимъ выѣзжать въ Петербургъ, для личнаго совѣщанія объ устройствѣ лицея въ Кіевѣ. Не теряя нисколько времени и я поспѣшилъ съ отъѣздомъ въ Кіевъ, и въ одни сутки прибылъ въ этотъ городъ. Попечителя я уже не засталъ, исправленіе своей должности онъ поручилъ директору гимназіи Петрову, къ которому явился я съ донесеніемъ о томъ, что было мною до сихъ поръ сдѣлано.

Работа моя въ Кіевѣ квкъ-то не клеилась, пробудилось желаніе отправиться въ Каменецъ-Подольскій, тѣмъ болѣе, что и средства мои къ содержанію уже стали истощаться. Я отправился къ г. Петрову съ тѣмъ, чтобы увѣдомить его, что я уже собрался ѣхать въ Каменецъ-Подольскій, при этомъ я показалъ ему предписаніе г. попечителя, которымъ мнѣ предоставленъ былъ выборъ мѣста, гдѣ удобнѣе я могъ-бы заняться отчетностью порученнаго мнѣ дѣла. И подлинно, гдѣ-же могъ-бы я найти болѣе спокойствія, хорошее помѣщеніе и приличное содержаніе безъ излишнихъ издержекъ, какъ не въ Каменцѣ? И при томъ исполняя порученіе, я въ тоже время могъ-бы заняться и настоящею моею должностію.

Эти мои доводы совершенно убѣдили г. Петрова; онъ принялъ мой рапортъ и дозволилъ мнѣ уѣхать въ Каменецъ. Чрезъ три дня послѣ этого дозволенія я былъ уже тамъ.

Среди моихъ занятій отчетностію по устройству училищъ и заботъ по должности инспектора гимназіи, должности шаткой въ западныхъ провинціяхъ и требовавшей большой оглядки, особенно при первоначальномъ устройствѣ тамошнихъ учебныхъ заведеній, пронеслась молва о томъ, что въ Кіевѣ, вмѣсто лицея, будетъ основанъ университетъ. Съ возвращеніемъ г. попечителя въ Кіевъ, въ первыхъ числахъ февраля 1834 года, эта разнорѣчивая молва превратилась въ истинное событіе. Графъ Сергій Семеновичъ Уваровъ, узнавши изъ личнаго донесенія попечителя, какими огромными пособіями владѣетъ лицей, объявилъ ему, что такъ какъ эти учебныя пособія совершенно удовлетворяютъ всѣмъ потребностямъ университета, то будетъ всеподданнѣйше ходатайствовать объ основаніи въ Кіевѣ университета. И вскорѣ послѣдовало высочайшее повелѣніе объ учрежденіи въ Кіевѣ университета св. Владиміра, котораго краеугольный камень, девизъ, святая обязанность пролить свѣтъ истины и просвѣщенія, провести начала нашей русской жизни въ западныхъ провинціяхъ. Всѣ бывшіе преподаватели лицея предназначены занять каѳедры въ новомъ университетѣ. И такъ, мысль Екатерины Великой объ учрежденіи въ Кіевѣ университета осуществилась уже въ царствованіе внука ея, Николая I.

Среди огромныхъ приготовленій къ немедленному открытію университета, которое заняло всѣ умы въ западныхъ провинціяхъ, послѣдовало открытіе четырехъ дворянскихъ уѣздныхъ училищъ: въ Подоліи—немировскаго и меджибожскаго, а на Волыни—новоградъ-волынскаго и теофипольскаго.

Занятія мои по отчету о посѣщенныхъ училищахъ окончились. На эту отчетность я употребилъ три мѣсяца, начиная съ половины января до половины апрѣля. 17-го апрѣля я отправилъ къ г. попечителю окончательный мой рапортъ, въ которомъ изложилъ общій обзоръ всѣхъ нашихъ дѣйствій и занятій по устройству приходскихъ училищъ на Волыни, а именно: 1) причину моей поѣздки въ Кременецъ вмѣстѣ съ Мицкевичемъ; 2) занятія наши дѣлами эдукаціонной коммисіи, т. е.

справки и выписки изъ дѣлъ о тѣхъ училищахъ, которыя находятся вокругъ Кременца и о тѣхъ, которыя намъ встрѣтятся по пути отъ Луцка до Кіева; 3) мѣстный обзоръ выше означенныхъ училищъ, съ означеніемъ времени нашего съѣзда на мѣста, гдѣ существовали училища; 4) время прибытія нашего въ Кіевъ и занятія наши разборомъ спорнаго и запутаннаго дѣла о немировскомъ училищѣ; 5) вторичную поѣздку въ Кременецъ и предметъ нашего занятія въ этомъ городѣ въ продолженіи цѣлаго мѣсяца; 6) причину раздѣленія труда между г. Мицкевичемъ и мною при мѣстномъ обзорѣ училищъ и мою поѣздку на мѣста, гдѣ существовали остальныя училища; 7) сложный счетъ, сколько нашими занятіями сохранено суммъ ежегоднаго взноса въ пользу училищъ (около 50 т. руб. сер. и недоимочныхъ суммъ около 25 т. руб. сер., происшедшихъ или отъ несвоевременнаго открытія училища, или отъ неполнаго взноса денегъ владѣльцемъ за прежнее время), сколько сохранено училищныхъ домовъ и морговъ пахатной, сѣнокосной и садовой земли въ пользу тѣхъ училищъ, а равно, сколько верстъ пути употреблено мною на мѣстный обзоръ (около 5,000 вер.), поѣздку самую мучительную, сверщенную по большой части по проселочнымъ дорогамъ, въ ненастное время, имѣвшую разрушительное дѣйствіе и на мое здоровье, и на мой путевой багажъ.

При этомъ рапортѣ моемъ приладилъ я также: 1) докладныя записки о каждомъ порознь училищѣ, со времени основанія до закрытія ихъ въ 1831 году; 2) копіи съ переписокъ моихъ съ училищнымъ начальствомъ и фундаторами училищъ и 3) вѣдомость о прогонныхъ деньгахъ, употребленныхъ мною при мѣстномъ обзорѣ училищъ.

За все это я, въ послѣдствіи времени, получилъ *(слѣдуетъ пробѣлъ съ цифрами 1, 2 и 3)* 4-е, *(снова пробѣлъ)* и 1,000 руб. ассигн. единовременнаго вознагражденія за потери, понесенныя въ пути.

Что сталось съ закрытыми приходскими училищами въ кіевской и подольской губерніяхъ, мнѣ не извѣстно; знаю только то, что дѣло это остановлено училищнымъ начальствомъ по причинѣ чрезмѣрныхъ занятій, которыми оно озаботилось при открытіи университета, наймѣ квартиръ для временнаго помѣщенія этого заведенія и составленіемъ проэкта о постройкѣ казеннаго зданія для университета.